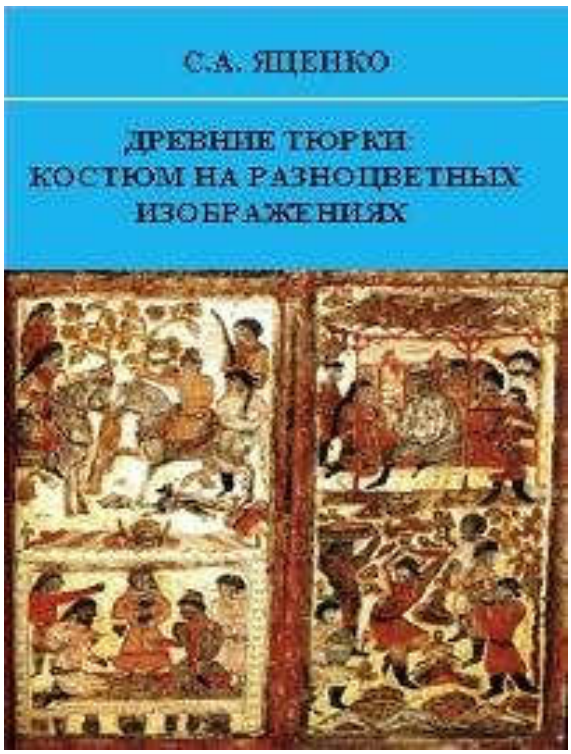
Посетите: formuseum.info и swordmaster.org



ЯЦЕНКО С.А. ДРЕВНИЕ ТЮРКИ: КОСТЮМ НА РАЗНОЦВЕТНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ (начало)

Yatsenko S.A. ANCIENT TURKS: COSTUME IN A COLOR IMAGES

Summary

Three most interesting collections of the color images of Early Turks are analyzed. There are the sarcophaguses and funerary couches of Sogdians and other "Northern Barbarinas" form the Western China of the end of the 6th-7th cc. AD; the wall painting of the "Hall of Ambassadors" in Afrasiab/Samarkand of the 3rd quarter of the 7th c.; the wall painting and painting on textiles of Uygur kingdom in Xinjiang of the late 9th– 11th cc. They give the interesting and partly unique information about the costume of Early Turkic peoples.

Яценко С.А. Стародавні тюрки: костюм на різнокольорових зображеннях.

Резюме

В статье анализируются три наиболее важных коллекции полихромных изображений ранних тюрков сер. VI – X вв.: нагробия согдийцев и других «западных варваров» из Западного Китая рубежа VI-VII вв. н.э., стенные росписи «Зала послов» городища Афрасиаб/Самарканд середины VII в. и изображения буддистов и манихеев – уйгуров Синьцзяна конца IX – XI вв. Они содержат много уникальной информации по костюму ранних тюркских народов.

Резюме

У статті аналізуються три найбільш важливі колекції поліхромних зображень ранніх тюрків середини VI – X ст.: надгробки согдійців та інших «західних варварів» з Західного Китаю рубежу VI-VII ст. н.е., стінні розписи «Залу послів» городища Афрасіаб/Самарканд середини VII ст. і зображення буддистів і маніхеїв – уйгурів Синьцзяну кінця IX – XI ст. Вони містять багато унікальної інформації по історії костюму ранніх тюркських народів.

Костюм раннесредневековых тюркских этносов, начиная с образования Великого Тюркского каганата в 551 г., сыграл немалую роль в истории культуры разных регионов Евразии, в том числе Юго-Восточной Европы, Ближнего Востока и разных частей Центральной Азии. Его простота и удобство на войне и на охоте, символика ряда его аксессуаров (особенно – воинского пояса), орнаментика оказали немалое влияние на многие народы, которые с ними сталкивались. Уже в раннем средневековье тюркские памятники оказались разбросаны на огромной территории от

границ Маньчжурии на востоке до Венгрии и Болгарии на западе, от сибирской тайги на севере до пустынных гор Афганистана и предгорий Тибета на юге. К сожалению, собственно остатки одежд для раннего периода истории древних тюрков очень редки и часто фрагментарны (1). Поэтому особую роль играют детализированные образы тюрков в древнем искусстве.

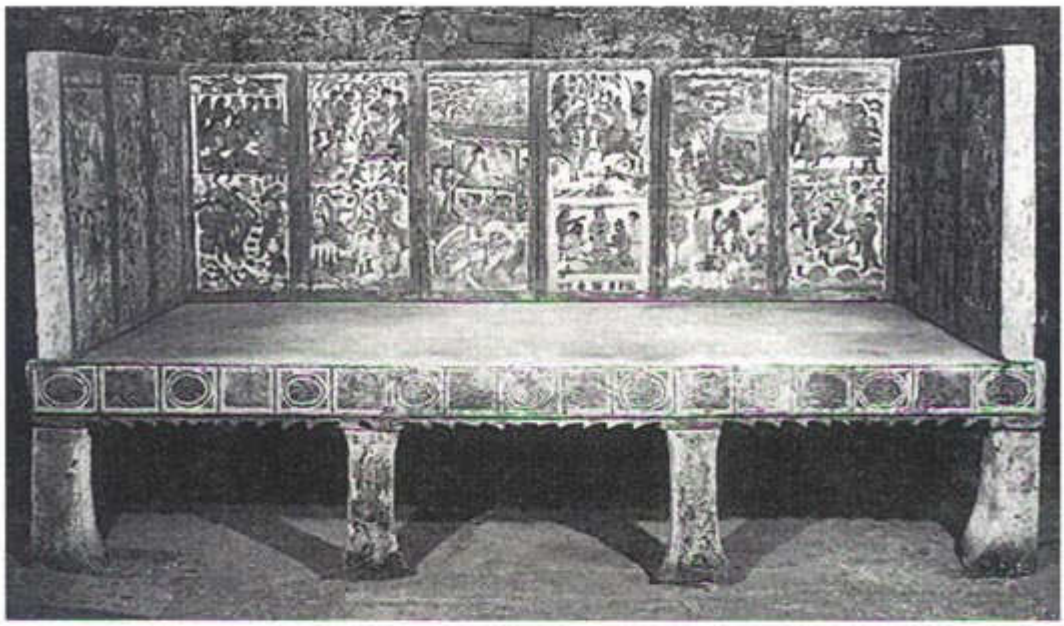
Рис. 1. *Раннетюркская каменная статуя «Чингиз-хан» - объект современного религиозного поклонения (республика Тыва, Барун-Хемчикский район, у пос. Бижиктиг-Хая). Фото М.Е. Килуновской, лето 2007 г.*
Fig. 1.*Early Turkic statue "Chengis-khan" – the object of modern adoration (Tuva Republic, Barun-Khemchik region, near Bizhiktig-Khaya village). Photo of Marina E. Kilunovskaya, 2007.*

На ранних собственно тюркских изображениях до X-XI вв. (надмогильные статуи, резьба по кости, петроглифы, художественный металл) мы подчас видим ряд важных деталей оформления костюма, прежде всего – мужского (контуры верхней части наплечной одежды и ее бортов, декор пояса, прическу, гривну и серьги). Однако наиболее интересны для изучения истории костюма обширного раннесредневекового тюркского мира ранние *серии* детализированных и выполненных в одной традиции *полихромных* изображений. Наибольшую ценность среди них представляют три: сцены с тюрками Великого Каганата на каменных мраморных погребальных ложах и саркофагах согдийцев и других выходцев из Средней Азии на северо-западе собственно Китая 2-й пол. VI – нач. VII вв., росписи середины VII в. в «Зале послов» Афрасиаба / Самарканда, представляющие тюрков Западного Каганата, и, наконец, разнотипные изображения второго Уйгурского каганата - оседлых уже и перешедших в манихейство, а вскоре в буддизм уйгуров западнокитайского Синьцзяна (Восточного Туркестана) 2-й пол. IX – XI вв. (2). В характерной манере конкретной развитой изобразительной традиции (китайской, согдийской или смешанной) здесь представлены *многофигурные* сцены с тюркскими персонажами, включающие множество деталей и часто –

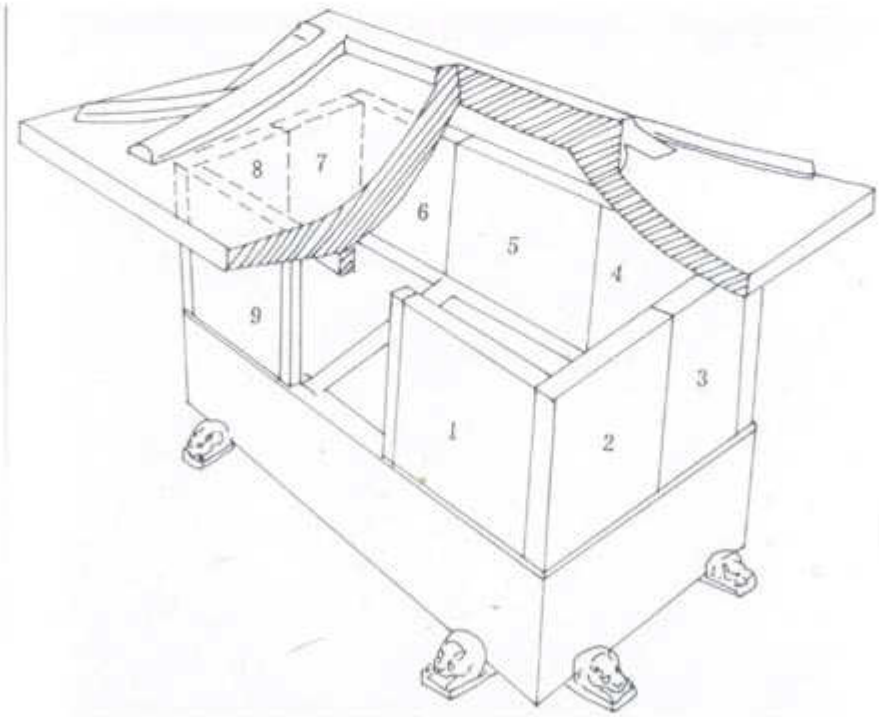
весьма точную цветопередачу. Всего этого мы, за редчайшим исключением, лишены в собственном искусстве тюрков того времени. К сожалению, названные изображения все еще почти недоступны для большинства исследователей в странах бывшего СССР. В разное время мне приходилось обращаться к данным материалам (Яценко, 2000, с. 296-304; Yatsenko 2004; Яценко, 2006, с. 246-247). В этой статье я хотел бы обратить внимание читателей на «костюмную» ценность таких композиций.

На собственно тюркских каменных изваяниях (**рис. 1**) детали тоже были, вероятно, переданы краской, но они со временем стерлись, в результате чего мы видим лишь *часть* первоначальной картины, утрачивая важную информацию (см., например: Ермоленко, 2003, с. 238); в ряде случаев не без оснований предполагается также надевание на статуи реальной одежды и прикрепление натуральных кос (см.: Ермоленко, 2007, с. 126-128). Между тем, анализ остатков красителей на древней каменной скульптуре – дело отнюдь не безнадежное, хорошим примером чему является научная реконструкция Винценцем Бринкманном первоначальной окраски статуи «троянского» воина-лучника в скульптурной сцене из Второй Троянской войны на фризе греческого храма Афайя на острове Эгина (490-480 гг. до н.э.), хранящейся в зале VII Глиптотеки в Мюнхене (фигура XI, которая на деле представляет лучника вторгшейся в Грецию ахеменидской армии со всеми этнографическими деталями персидского костюма) (ср., например: Cohen, 2006, p. 192).

1. *Гравированные и раскрашенные мраморные прямоугольные плиты-панели – деталей саркофагов или символических погребальных лож согдийцев и иногда – представителей иных среднеазиатских этносов из Северного Китая 3-й четв. VI – нач. VII вв.*, то есть при региональных т.н. Северных династиях и кратковременной общенациональной династии Суй, до 618 г. н.э. (**рис. 2**).



1



2

Рис. 2. *Мраморные погребальные конструкции чиновников центральноазиатского происхождения 2-й пол. VI – нач. VII вв. из Северного Китая: 1 – саркофаг Ю Хона (Yu Hong) и его жены, 592 г., г. Тайюань, период династии Суй (Тайюань Суйдай.., 2001, с. 34; рис. 14); 2 – погребальное ложе Ань Цзе (An Qie), 579 г., г. Сиань (бывш. Чанъань), период династии Северное Чжоу (Juliano, Lerner, 2001, p. 226, fig. 4).*
Fig. 2. *Marble funerary constructions of the officials of Central Asian origin of the 2nd half of the 6th – the beg. of the 7th cc. from Northern China: 1 – sarcophagus of Yu Hong and his wife (592 AD) from Taiyuan, Sui dynasty (after Wenwu, 2001/1, p. 34, fig. 14); 2 – funeral couch of An Qie (579) from Xi'an, Northern Zhou dynasty (after Juliano, Lerner, 2001, p. 226, fig. 4).*

Умершие занимали различные посты в местной администрации, в частности, по изволению имперских властей руководили общинами «западных варваров» в должности *«сабао»*(3). В силу своих обязанностей эти люди совершали также поездки во владения соседних кочевых тюрок, налаживали с ними дипломатические и торговые связи, и в ряде сцен эти эпизоды их биографии представлены во множестве деталей (см., прежде всего: Сиань фасянь.., 2001, с. 4-26, рис. 12; Тайюань Суйдай.., 2001, с. 27-52; Marshak, 2001, p. 228-264; An Jia [Qie] Tomb, 2003; Lerner, 2005; Juliano, 2006a, p. 293-316). Костюм тюркских персонажей на отдельных деталях-панелях обычно расписан по белому фону мрамора лишь немногими красками – красной (два оттенка), черной и коричневой и изредка - также серой и желтой. Сравнение с более поздними сериями изображений тюрков в других регионах убеждает в том, что именно такая окраска отдельных участков (как и оставленный не закрашенным белый фон) отнюдь не произвольна. Этих красок, в самом деле, часто было достаточно, т.к. в раннетюркском костюме в целом преобладали однотонно и ярко окрашенные элементы. Ценной особенностью этих рельефов является разнообразие поз персонажей (чаще – вполоборота или анфас, реже – в профиль или со спины), что дает возможность при изображении одних и тех же лиц на разных панелях представить их гораздо полнее. Своеобразным этническим маркером мужчин-тюрков, отличающим их от других «западных и северных варваров», здесь является, прежде всего, особая прическа в виде нескольких длинных, соединенных кос (4). Разумеется, на этих рельефах с хорошо сохранившейся окраской мы видим, помимо костюма, много других интересных деталей древнейшего тюркского быта (5).

Наиболее интересным среди них в плане обилия материала является *мраморное ложе согдийского аристократа Ань Цзе* (An Qie) (6) (такие ложа были парными – для мужчины и его (китайской] жены). Судя по надписи, Ань Цзе умер в 579 г. н.э. в г. Чанъань (7); он происходил из пограничного городка Гужань (ныне Увэй в пров. Ганьсу) (Сиань фасянь.., 2001, с. 4-26; рис. 12; Juliano, 2006, p. 295). В период Северных династий это была территория царства Северное Чжоу. Этот чиновник участвовал в дипломатических контактах с тюрками в период правления их самого могущественного кагана Мугана (553-572) и, возможно, даже начала правления Таспара (572-581), заставивших трепетать полмира и ставших, среди прочего, фактическими сюзеренами северных китайских царств (8). Наряду со сценами из «дворцовой» жизни, пиров, охот и путешествий умершего и его согдийских родных и слуг, здесь есть четыре панели с присутствующими тюрками. Похоже, на всех этих «тюркских» панелях ложа фигурирует один и тот же тюркский аристократ (из высшего сословия beq) – администратор одного из прилегающих к Китаю («стране Табгач») владений Каганата (возможно, даже руководитель одного из племен с титулом типа *иркин, чор* и т.п.) и его доверенный молодой слуга (или сын (?), чиновник более низкого ранга(?)). Б.И. Маршак даже считал изображенного тюркским каганом (Marshak, 2004, p. 25), но для этого, думается, нет серьезных оснований (9). При этом в тех случаях, где тюрки и согдийцы (соплеменники покойного) изображены рядом, последние представлены справа, а тюрки слева - на менее почетной стороне (исключение составляет прием в юрте, где на почетном месте справа от зрителя сидит именно *хозяин* – тюркский аристократ). Интересно также, что в ряде сцен, когда оба тюрка поднимают руку, это всегда рука левая, а не правая, как у согдийцев (панель ложа Ань Цзе со встречей всадников – его самого и знатного тюрка).

Рис. 3. *Встреча Ань Цзе со знатным тюрком (An Jia [Qie] Tomb, 2003, pl. 54) (фото предоставлено Д.А. Лернер).*
*[I]**Fig. 3.** An Qie meeting with a noble Turk (after An Jia [Qie] Tomb, 2003, pl. 54).*

Наиболее важной представляется панель с двухъярусной композицией (**рис. 3**), где вверху видим встречу Ань Цзе на охоте (?) вместе с двумя слугами со знатным тюрком-всадником и его слугой (с обеих сторон прислуга пешая). Сцена эта не лишена торжественности: Ань Цзе и тюрк приветствуют друг друга, причем особе внимание мастер уделил металлическим бляшкам наборных поясов и конской упряжи обоих. Пояс тюрка имеет схематично переданные пряжку в виде удлиненного прямоугольника и несколько металлических бляшек-накладок, судя по расстоянию между ними на ремне – не более 12 экз. Вид металла не вполне ясен, т.к. этот участок белой мраморной поверхности не окрашен (видимо, это все же серебро, а не обычные у высшей знати золото или позолота, т.к. при необходимости художник передавал на панелях этого ложа *желтый* цвет); уже это может указывать на сравнительно низкий статус персонажа (см. ниже о тюрках в Афрасиабе). В нижнем ярусе представлены те же пять человек примерно на тех же местах в композиции, но здесь гравер изобразил пиршество в небольшой беседке (два главных участника сидят на большой низкой лежанке – *тахт* и играют в кости (?) на складном маленьком столике; стоящий сбоку слуга собирается налить им в чаши вино). Тюрк носит длинные косы (их количество и способ соединения между собой неясны), небольшую окладистую бородку и короткие усы. Он одет в обеих сценах в застегнутый почти доверху и подпоясанный *белый* халат длиной ниже колен. Последний имеет высокие красные обшлага (но без «классических» для тюрков двух лацканов), такую же довольно широкую линию бортов и подола из красной ткани. Из-под халата в одном нижней сцене выглядывает красная рубаха с узким горизонтальным воротом. Черный ременной пояс затянут слабо пряжкой в форме удлиненного прямоугольника и сидит низко на бедрах; он много длиннее талии и дважды опоясывает район таза. В этой сцене он простой и не имеет металлических накладок. Штаны, не слишком узкие, т.к. подчеркнуты их мелкие складки (цвет их условно передан коричневым, как и лица присутствующих), они заправлены не в обычные для тюрков сапоги и даже не в полусапожки, а в низкие черные туфли (это хорошо видно в верхней сцене).

Наиболее интересной чертой в облике главного тюркского персонажа является халат, украшенный широкой *однотипной* по оформлению (в данном случае - красной) каймой на высоких обшлагах, по бортам и подолу. Подобный декор верхней мужской одежды эпизодически бытовал еще в ахеменидо-скифское время у ираноязычных народов Степи (см., например: Яценко, 2006, рис. 49, 1), однако в интересующий нас период наиболее точные аналогии ему известны *у согдийцев* (Там же, рис. 181, 40; 184). Логично полагать, именно от согдийцев (имевших к тому времени колени на обширной территории от Маньчжурии и Северного Китая до Семиречья и игравших немалую роль в азиатском торговом и культурном обмене, а также в политической жизни Великого Каганата) эта декоративная схема стала известна тюркам, и изредка по каким-то причинам использовалась

единичными представителями их аристократии (см. также уникальный пока костюм знатного тюрка – единственного персонажа в зале III – соседнем с «Залом послов» в согдийском Афрасиабе – **рис. 9**).

Второй, менее значимый тюркский персонаж (слуга или подчиненный?) всегда стоит сзади главного (в том числе и тогда, когда последний сидит) и отчасти сознательно заслоняется его фигурой. Он одет в «простой» красный кафтан без декоративной каймы дорогой тканью иного цвета по бортам и обшлагам (имеется лишь коричневая кайма на подоле). Этот кафтан также застегнут почти доверху (его сходящиеся вверху борта плохо читаются на цветных фото, но хорошо видны на китайских прорисовках панели) и чуть короче, чем халат у господина (до колен). Пояс выглядит совершенно иначе, чем у «более значимого» тюрка: он очень узкий и короткий (один раз охватывает район таза), крепко стянут; на ремне накладных металлических блях не видно (хотя, судя по изображению той же пары на панели с приемом тюрок в дома Ань Цзе с танцами, они все же были), но имеются дополнительные свисающие ремни с металлическими наконечниками. Обувь у этого персонажа тоже иная, чем у господина – «классические» тюркские, высокие черные сапоги (это гораздо лучше видно у того же персонажа на уже упомянутой панели с приемом тюрок в дома Ань Цзе); такие сапоги обычно бывали высотой чуть ниже колена и с треугольным выступом под ним: рис. 8, 18).

Рис. 4. *Пир Ань Цзе со знатным тюрком и танцы (An Jia [Qie] Tomb, 2003, pl. 63) (фото предоставлено Д.А. Лернер).*
Fig. 4. *An Qie banquet with a noble Turk (after An Jia [Qie] Tomb, 2003, pl. 63).*

Другая панель демонстрирует нам эпизоды приема тех же двух тюрков в доме (?) Ань Цзе (**рис. 4**). В верхнем ярусе оба главных персонажа сидят на лежанке-*тахт*, хозяин подносит тюрку бокал вина, последний при этом сложил руки на груди; их развлекают стоящие рядом музыканты; сзади главного тюркского персонажа застыл его подчиненный в позе «руки по швам». В нижнем ярусе эпизод той же пирушки – мужчина танцует под аккомпанемент большого бубна, небольшого струнного инструмента и хлопков в ладоши стоящих рядом слуг. Знатный тюрк здесь одет в кафтан несколько иного облика: при той же длине и иным пропорциях он сшит он из темной ткани, имеет не слишком широкий отложной ворот (похожее видим на изваянии из Сарыг-Булуна, Тува: Степи Евразии, 1981, рис. 17, 1), причем его отвороты, как и широкие обшлага, не выделяются по цвету на общем фоне. Халат распахнут (как и на упомянутом тувинском изваянии) и проглядывает уже знакомая нам красная рубаха. На поясе тюрка здесь также не видно металлических накладок.

На третьей панели изображен лишь один тюркский персонаж – сидящий в собственной юрте аристократ, к которому прибыла согдийская делегация с какой-то миссией во главе с тем же Ань Цзе (кроме него, все поле панели занимают собственно согдийские участники делегации, а тюркских подданных не видно). В отличие от хозяина дома, здесь Ань Цзе, соответственно, размещен уже слева и, видимо, в знак уважения к нему сидит так же, как тюрк – на пятках). На других панелях оружия у главных персонажей не показано, но в юрте у хозяина, повернутого к нам впервые левым боком, видим висящий у пояса кинжал. Здесь облик халата, штанов и обуви тюрка такие же, как в верхнем ярусе сцены с конной встречей (**рис. 3**), но пояс, в отличие от сидящего рядом Ань Цзе, лишен выделенных цветом бляшек-накладок.

На четвертой панели (сцена пиршества) целом композиция оказывается строго симметричной в плане «этнического представительства»: по два тюрка и согдийца в главной, передней сцене, и по три тюрка и согдийца – в задней. В *верхнем ярусе* видим своеобразное чествование, видимо, тех же двух тюркских персонажей согдийцами. Здесь тоже строго соблюден принцип «тюрки слева, согдийцы справа». Знатный тюрк сидит анфас в центре лежанки-тахт, его окружают слева тюркский музыкант с инструментом типа лютни и справа – согдийский – с небольшой арфой. Сбоку подходит согдийский же слуга с кувшином вина (его фигура меньше ростом). Оба тюрка здесь сидят, опустив одну ногу вниз с лежанки, а другую поджав под себя; у них видим полусапожки, в которые заправлены штаны (ткань последних украшена редкими горизонтальными линиями из точек) и халаты обычного для описанных сцен типа (у аристократа он явно запахнут налево); главный персонаж с окладистой бородкой приспустил левый рукав, а правую руки прижимает к груди. У тюркского музыканта внизу кос виден полосатый футляр-косник. *На заднем плане* (в самом верху панели) представлено своеобразное чествование, вероятно, младшего спутника нашего аристократа. Он тоже размещен за его спиной анфас в центре ряда плотно стоящих людей, видных лишь по пояс; слева к нему воздевают руку два тюрка, справа – три согдийца. *В нижнем регистре* изображены только согдийцы: танцор, которому аккомпанируют два музыканта, и два слуги, несущие питье и закуски.

Комплект панелей другого мраморного расписного ложа рубежа VI-VII вв. попал в *Музей Михо* (Miho Museum) в японском городе Сигараки; точное место находки могилы, к сожалению, не известно. Они в основном изображают жизнь северокитайских согдийцев в окружении прислуги и китайских жен. На них представлены путешествие в повозке, охота двух знатных всадников со слугами, зороастрийская религиозная церемония “sagdid” и др. Для нас интересна панель, связанная с поездкой умершего в тюркские кочевья. Здесь изображены вверху сидящий в юрте знатный тюрк; вокруг юрты на коврах сидят другие тюркские персонажи (Miho Museum, 1997, p. 250, fig. C; Juliano, Lerner, 2001, p. 309, fig. K) (**рис. 5**). Ниже помещена сцена охоты конных тюрков в горах на одновременно трех разных крупных животных (!) – барса (?), кабана и оленя. Люди других этносов на панели вообще не представлены. Здесь мы видим много ценных этнографических деталей костюма, причем некоторые из них пока совершенно уникальны.

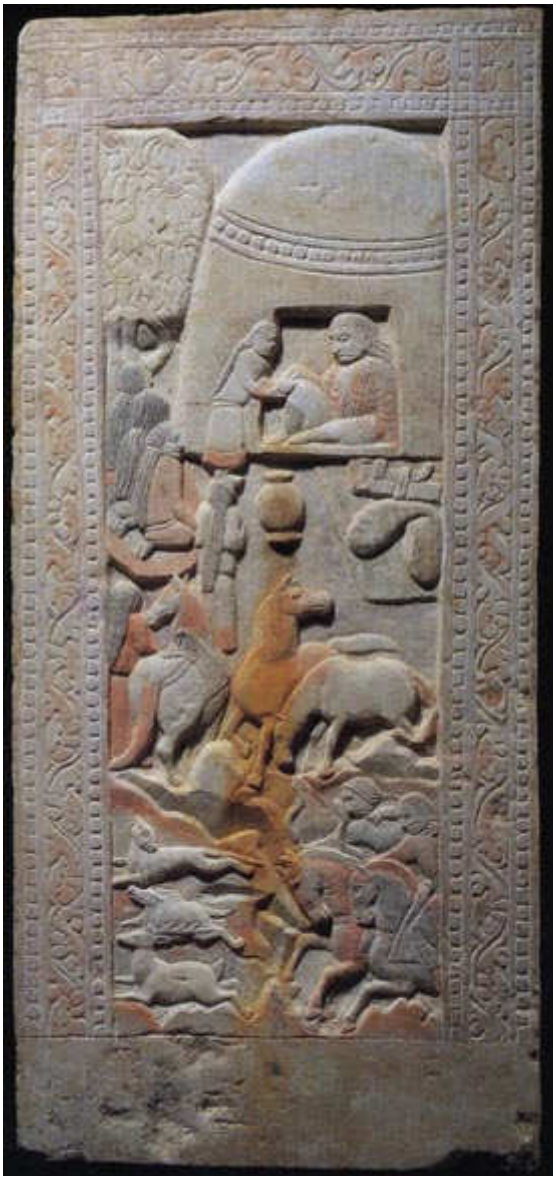


Рис. 5. *Панель мраморного погребального сиденья из музея Михо (Япония, г. Сигараки) (Miho Museum, 1997, p. 250, fig. C) (фото предоставлено Д.А. Лернер).* ***Fig. 5.*** *Panel of the funerary couch from Miho Museum, (Shigaraki, Japan) (after Miho Museum, 1997, p. 250, fig. C).*

В сцене с юртой у ее входа сидят на красном ковре трое подчиненных ее хозяина в позе на пятках. Кроме того, к аристократу, пересекая лужайку слева направо, движутся через равные промежутки два прибывших тюрка, несущих небольшие по размеру (но, несомненно, очень ценные) дары от согдийских купцов или китайской администрации (?). Они только что прибыли: три коня рыжей масти стоят рядом и занимают центр всей композиции панели; один их них принадлежит сопровождающему слуге, который остался при них сзади. Почти все находящиеся перед юртой люди, к сожалению, показаны лишь спиной или почти спиной, за исключением того, кто непосредственно вручает дары (представлен в профиль). Хозяин юрты сидит в ней свободно, раскинув ноги и опираясь на левую кисть. Его халат имеет широкую кайму на бортах и, главное, он *запахнут на китайский манер* – слева *направо* (это наиболее ранее достоверное изображение такого рода для тюрков), в то время как «рядовые» персонажи (в частности, это хорошо видно у переднего всадника-охотника) используют обычное для всех древних и раннесредневековых кочевников (вплоть до активной китаизации быта знати восточных тюрков в VIII-IX в.) запахивание справа *налево* (10). Такая очень редкая в те времена деталь свидетельствует о восприятии этим человеком по неизвестной причине «противоестественного» китайского обычая, с которым тюрки столь упорно боролись в своих восточных владениях именно в интересующее нас время – на рубеже VI и VII вв. Данное изображение наглядно показывает, что беспокойство по этому поводу великого кагана в 590 г. было не напрасным (11). Ткань халата полихромная: фон – белый, но по этому фону ткань украшена горизонтальными рядами из красных дуг. Штаны и рубаха его тоже белые. В штаны заправлены «классические» тюркские черные сапожки с острым выступом ниже колена. У него, как и у остальных тюрков, нет бородки, но есть горизонтальные, очень длинные усы (которые, несомненно, напомажены).

У всех тюрков на этой панели основной цвет халатов либо белый, либо красный. Однако явственно прослеживается более высокий статус лиц в халатах с *белым* фоном. Во-первых, в него одет сам хозяин юрты. Во-вторых, из сидящих на ковре трех подчиненных персонаж в белом – центральный. В-третьих, у двух идущих с дарами белые халаты видим у двух передних, а красный – у оставшегося сзади их слуги (?). В-четвертых, у охотящихся всадников персонаж в белом представлен спереди. Все эти композиционные «мелочи» в раннесредневековом согдийско-китайском искусстве наверняка были значимыми. У второстепенных персонажей здесь видим сходную (но не идентичную) прическу: несколько кос длиной до таза, соединенных лентой на затылке и каким-то образом также – в нескольких местах ниже (тонкими ремешками?). У идущих отдельные косы специально не выделены. У сидящих же на ковре ни одна голова не видна сзади *полностью*, однако нетрудно подсчитать, что кос было по *пять*. Что же касается стоящего при лошадях слуги, то его длинные волосы просто расчесаны и как-то соединены (тонким ремешком?)

в самом низу. Пояса у тюрков светлые, не окрашены в черный цвет (из ткани?) и, соответственно, они лишены подвесных ремней и каких-либо подвешенных вещей. Подол доходящих до щиколоток халатов имеет широкую кайму, налицо также широкие обшлага (у первых двух идущих с дарами в белых халатах они, соответственно, красные). Обувь из «второстепенных» в основном видна лишь у заднего всадника: это красные полусапожки с отворотом.

В костюме тюрков «панели с юртой» много интересного и необычного: однозначно почетное место белого цвета в плечевой одежде, оригинальная иерархия деталей причесок, напомаженные длинные горизонтальные усы, облик поясов.

Третий комплекс с такого рода изображениями – *саркофаг чиновника Ю Хона* (Yu Hong), умершего в 592 г. (вначале краткого периода правления вновь объединившей Китай династии Суй) в г. Тайюань (пров. Шаньси) к западу от Пекина (Тайюань Суйдай.., 2001, с. 27-52). Он также вначале занимал в эпоху Северного Чжоу должность *«сабао»*, а позже отправлялся послом в ряд стран, в том числе такую дальнюю, как сасанидский Иран. К сожалению, здесь сохранились лишь незначительные следы раскраски; поэтому лучше рассматривать изображение по прорисовке в первоначальной китайской публикации. Самого Ю Хона часть современных исследователей считает не согдийцем и, возможно, даже тюрком (см., например: Juliano, 2006b, p. 29), однако оригинальные мифологические сцены на его саркофаге отражают отнюдь не кочевую религиозную шаманистскую традицию того времени, а согдийскую. Здесь представлены на разных панелях встреча божественного всадника в царской короне и нимбе и тот же персонаж, восседающий на троне; пир царя с царицей в окружении персонажей в нимбах и др.; при этом все персонажи имеют костюм с элементами как согдийского, так и персидского сасанидского, возможно – отчасти придворный эфталитский (что было бы не удивительно, учитывая власть эфталитов перед тюркским нашествием как над рядом областей Синьцзяна, так и над Средней Азией и их активное подражание царским регалиям и этикету персидского двора).

Fig. 6. *Панель 4 (восточная панель северной стенки) мраморного саркофага Ю Хона (592 г.) из г. Тайюань, пров. Шанси. Сцена охоты тюрка. Прорисовка (Тайюань Суйдай.., 2001, с. 36, рис. 19).*
Fig. 6. *The marble sarcophagus of Yu Hong (592 AD), panel 4 (northern wall, eastern panel). The hunting scene of Turkic man (after Wenwu, 2001/1, p. 36, fig. 19).*

Единственный тюрк изображен здесь на восточной панели № 4 северной стены (**рис. 6**). Это всадник на верблюде, охотящийся на льва и львицу. Охота явно получается не очень удачной: львица уже вцепилась в зад верблюда и, пока охотник целится в нее из лука, лев вгрызается верблюду в грудь; охотничья собака пытается (но безрезультатно) отвлечь льва. Эта «пессимистическая» трактовка образа тюрка тем более странна, что на двух других панелях сходная охота на львов (того же божественного и царственного всадника на слоне и другого персонажа в нимбе – на верблюде) явно более удачны (см.: Тайюань Суйдай.., 2001, с. 38, рис. 20 и с. 36, рис. 17). Над тюрком-охотником парят две птицы, одна из которых (утка), видимо - своеобразная вестница божества (ее шея повязана ленточкой); эта птица кружит над главным персонажем и в сценах на многих других панелях.

Костюм тюрка представляет немалый интерес. Его длинные волосы (возможно, заплетенные в косы?) соединены в самом низу, на уровне таза (ср. выше персонаж, стерегущий лошадей на

панели из музея Михо и ниже – персонаж из «пещеры Майи» в Куче). Довольно узкие штаны заправлены в туфли (ср. выше главный тюркский персонаж на панели со встречей всадников ложа Ань Цзе). Пояс украшен по периметру (в частности - на спине) очень короткими дополнительными подвесными ремнями. Однако особенно интригует его плечевая одежда (точнее, верхнее из двух надетых одеяний). Из-за поворота фигуры спиной неясно, распашная ли она или нет (исходя из тюркской традиции и особенностей быта она должна быть распашной). Хотя эти одеяния и задрались от сидения в седле, ясно, что они были чуть ниже колен.

Верхняя одежда чуть короче на подоле, но имеет короткие (до локтей) рукава, верхняя – чуть длиннее и имеет «обычные» рукава до запястий. Края рукавов обеих одежд и подол нижней украшены фестончатыми выступами (такое оформление рукавов видим и у двух других, «божественных» охотников на иных панелях). Подобное соотношение параметров подола и рукавов верхней и нижней мужской одежды (нераспашной) впервые отмечено еще как характерная этническая особенность выходцев из китайской провинции Ганьсу - юэчжей-кушан (см.: Яценко, 2006, с. 179; рис. 121, 35). В интересующее же нас время верхняя и нижняя нераспашная одежда с такими параметрами встречаются на редких, единичных мужских и женских изображениях Согда (см.: Там же, рис. 181, 49-50 и 182, 19); среди них есть и одно (последнее из перечисленных) изображение с со складчатым (и, возможно – фестончатым) краем рукавов. Однако единственное в Евразии настоящее «царство» одеяний такого типа, включая фестончатый край рукавов, отмечено в совсем другом регионе – в Северо-Восточном Синьцзяне – на родине как древних тюрков, так и (по мнению ряда ученых) эфталитов. Речь идет, прежде всего, о прекрасно документированном настенной живописью буддийских монастырей костюме тохароязычного (индоевропейского) населения оазиса Куча, специально исследовавшемся мною. Только здесь были распространены и подолы и рукава одежд с подобным же фестончатым краем, в том числе – мужских и женских *распашных* у местной аристократии (Там же, табл. 57, 2 и 58, 9; 59, 2; 60, 5; 62, 3). В окрестностях соседнего оазиса Турфан (древний костюм которого до первой волны китаизации в IV-VI вв. нам, увы, почти не известен) происходило раннее формирование этноса древних тюрков (кит. туцзюэ) до их миграции на Алтай… Оазис Куча рано вошел в состав Тюркского каганата. Кроме прочего, кучанцы к VI в. были знамениты в царствах раздробленного Китая как прекрасные музыканты, танцоры и композиторы.

Еще один очень оригинальный элемент верхней одежды нашего охотника – свисающий с каждого плеча пучок коротких ленточек (судя по левому плечу, их было пять). Этот элемент также был свойственен, прежде всего мужчинам-аристократам… того же оазиса Куча (см.: Там же, табл. 59, 2-3;); персонажи же из мелкой служилой воинской прослойки носили там подобный пучок только на *одном* плече (Там же, табл. 60, 1-2). Обычны для мужчин-кучанцев и представленные на рельефе штаны и туфли, а также парадная горизонтальная нагрудная лента (Там же, табл. 59, 1, 3-4). Иными словами, все характерные особенности костюма тюрка на верблюде связаны с оазисом Куча у северо-западных границ тогдашнего Китая (кроме его национальной прически, не документированной в этом оазисе в ранний период тюркского владычества). Перед нами яркий пример воздействия костюмного комплекса одного небольшого, но очень развитого в культурном отношении оазиса на восточном отрезке «Шелковом пути» на какую-то очень небольшую часть тюрков Великого каганата, возможно – лишь от отдельных людей среди них. Механизм этого воздействия пока неясен (политические беженцы? побратимство? дары в виде комплектов одежды, поднесенные в особых обстоятельствах?).

2. *Стенные росписи Кызыла (оазис Куча в Синьцзяне, Китай) VI-VII вв.* В том же оазисе Куча в известном пещерном монастырском комплексе Мингой в Кызыле имеется т.н. «пещера Майи», живопись датируется сегодня искусствоведами как раз примерно временем Великого Тюркского каганата. Сюжет одной из ее стенных росписей – «Народы мира оплакивают Будду». Она была опубликована, к сожалению, только в черно-белой прорисовке в знаменитой монографии А. Грюнведеля (Grьnwedel, 1912, S. 180, Fig. 415)

Рис. 7. *Народы мира оплакивают Будду. Фрагмент стенной живописи в «пещере Майи». Кызыл (Мингой), VI-VII вв. (Grьnwedel, 1912, S. 180, Fig. 415).* ***Fig. 7.*** *The peoples of the World mourn the Buddha. Fragment of the wall painting in the "Cave of Maya". Qizil (Mingoi), 6th-7th cc. AD (after Grьnwedel, 1912, S. 180, Fig. 415).*

Среди серии персонажей в ее верхнем регистре видим и «типичного» с точки зрения кучанского художника, тюрка, изображенного по пояс. Он в порыве скорби наносит на лоб ножом серию царапин. Он идентифицируется как тюрк, прежде всего, благодаря той же прическе из длинных кос (не менее трех), перевязанных шнурком на самом конце. Халат (длина которого неясна) образует узкий отложной ворот (см. выше: знатный тюрк в сцене приема его согдийцем Ань Цзе в своем доме). Очень интересная деталь декора этой одежды, отражающая западные влияния – по одному ромбовидному медальону из полихромной ткани на груди. Это тип позднеримских ромбовидных вставок-клавов, появившихся на туниках под влиянием традиций провинции Сирия во II-III вв. н.э.

Однако подобное размещение парных ромбовидных вставок для раннетюркского костюма – большая редкость. Они известны мне лишь на нераспашном женском платье на одной из «каменных баб» в Семиречье (Шер, 1966, табл. XIX, № 83). Не одна, а две пары таких ромбов видим на груди молящегося купца-иностранца - представителя одного из тюркских этносов, изображенного в IX-X вв. в Безеклыке (Турфанский оазис) (Grьnwedel, 1912, Fig. 566). В ряде случаев известны менее точные аналогии такой декоративной схеме. Это, например, ромбовидная *одиночная* нашивка, известная на некоторых ранних каменных изваяниях (см., например, экземпляр из Калгутинского могильника, Курчумский р-н Восточно-Казахстанской области: Елеукенова, 1999, рис. 104, 1). *Парные* нашивки такого облика представлены на изваяниях 2-й пол. XI – нач. XIII вв. европейских половцев. Обычно они украшают накосный покров замужних женщин (Плетенева, 1974, №№ 4, 7, 11, 14, 43, 53, 58, 133, 327, 358, 698, 1092, 1129, 1233, 1234, 1284, 1287, 1300, 1302). Однако на женском платье половцев известна манера нашивать одиночный «ромб» на уровне живота (Там же, табл. 31, № 273), а у мужчин встречены парные нашивки этого типа на рукавах (ниже плеч) (Там же, табл. 12, № 45).

Другой элемент западного происхождения в облике этого тюрка – своеобразные круглые мушки на лице (по одной – на щеках и на подбородке). Нечто подобное мы видим уже в поздней античности (примерно с рубежа н.э.) у лиц обоих полов ираноязычных народов кочевого происхождения – парнов/парфян (здесь такие мушки изображаются у царей, начиная с Орода II (57-38 гг. до н.э.: Яценко, 2006, с. 125) и у юэчжей/кушан (Там же, с. 183). С ними у нашего тюрка совпадает размещение пары мушек на щеках, однако третья размещена на необычном для этих целей участке – на подбородке. Позже у уйгуров, занявших Восточный Синьцзян в конце IX в., мы видим очень разнообразные мушки в форме круга, окруженного маленькими точками, креста, растительного побега, полумесяца или змейки (см., прежде всего: Maillard, 1973, pl. 150b; Яценко, 2000, табл. 64, 3-4); но и у них подобные охранные украшения (как у парфян и кушан) наносились именно на щеки и лоб.

Под халатом тюрка надета рубаха с такой интересной деталью, как довольно высокий стоячий ворот. Халат не запахнут: его полы держатся едва намеченным узким поясом, и совсем не заходят друг на друга. Такая манера встречалась уже на приводившихся выше северокитайских изображениях.

3. *Стенные росписи «Зала послов» на городище Самарканда (Афрасиаб) 3-й четверти VII в. н.э.* Они были открыты в 1965 г. в центральной части городища древнего Самарканда, называемого Афрасиаб, в домовладении одного из местных вельмож (участок 23, помещение I; отдельная интересная фигура тюрка сохранилась также в соседнем помещении III). Верхний ярус этих росписей (где, судя по логике композиции, изображался главный персонаж – правитель Самарканда), к сожалению, не сохранился, а изображения нижнего были отчасти позже специально повреждены арабскими завоевателями, а еще позже – ямами туалетов. В уцелевшем нижнем ярусе, на наиболее важной для наших целей западной стене зала напротив входа представлена, по мнению В.А. Шишкина и Л.И. Альбаума (которое разделяется и нами), сцена приема тюркскими приближенными согдийского правителя Самарканда Вархумана посольств четырех различных стран, сопровождаемая краткими надписями на согдийском (12). (Маркус Моде считает, что, вопреки сопровождающим текстам, этот прием происходил в резиденции западнотюркского кагана: Mode, 1993, S. 74). Можно допустить, например, что эти посольства прибыли официально для поздравлений с таким важнейшим календарным праздником как весенний иранский Новый Год – Науруз (что предполагалось ранее К. Сильви Антонини: Silvi Antonini, 1989, p. 109-144), подобно тому, как делегации от различных народов посещали правителей ахеменидского Ирана в их новогодней резиденции Парса (Персеполь).

Первоначальные цветные прорисовки изображений 1966 г. коллективом из пяти и более разных художников были изданы Л.И. Альбаумом (Альбаум, 1975). Ныне из этой публикации могут в ряде случаев использоваться для сопоставления не черно-белые иллюстрации (которые во всех случаях во многом являются *реконструкциями*), а именно цветные таблицы (с исправлением имеющихся в них существенных неточностей, не понятых современными копировщиками). Облик росписей были значительно уточнен в 1978 г. при повторной расчистке группой исследователей под руководством Г.В. Шишкиной: они изготовили новые черно-белые прорисовки части стен «Зала послов». Они пришли к выводу, что прежние копии содержат много весьма грубых ошибок. Материалы 1978 г. все еще далеко не опубликованы в полном объеме и были любезно предоставлены мне весной 1994 г. Г.В. Шишкиной и И.А. Аржанцевой. Среди прочего, наблюдения И.А. Аржанцевой и О.Н. Иневаткиной вносят важные уточнения во многие детали фигур (Аржанцева, Инветкина, 2005, с. 122-137; см. также: Arzhantseva, Inevatkina, 2006, p. 185-211). К сожалению, проверить достоверность обеих *прорисовок* сложно, т.к. на сегодняшний день сохранность отреставрированных *подлинников* в самаркандском музее не идеальная (именно с них делал свои реконструкции сюжетов Маркус Моде, и при этом явно совершил ряд серьезных ошибок), а большая серия детальных *фото* росписей (цветных или черно-белых) при их открытии не изготовлялась. Будем исходить из предположения, что более поздние прорисовки росписей являются и более точными. В статьях названных авторов уточняющие детали, к сожалению, пока часто представлены в очень мелком масштабе. В своей статье по костюму различных народов в «Зале послов» (Yatsenko, 2004) я во многом опирался на предоставленные мне черно-белые прорисовки, но, как считают И.А. Аржанцева и О.Н. Иневаткина, в ряде случаев в ходе работы неверно понял их детали (что было бы естественно при их обилии и фрагментарности) (13).

С начала 1990-х годов в литературе и устных высказываниях исследователей представлены самые разнообразные догадки насчет интерпретации необычайно эффектных изображений афрасиабского зала и, в частности, вероятных посольств, представленных на трех стенах. Версий уже на сегодняшний день существует множество. Но при современном состоянии науки и шире – гуманитарных сфер культуры не приходится сомневаться: в будущем число оригинальных суждений о «тайне» этих самаркандских росписей будет постоянно расти, и они часто будут

переходить границы разумной осторожности, демонстрируя тягу не очень осведомленных и авантюристически настроенных авторов к очередной легко достижимой «сенсации»…

Значительная часть исследователей видит в сюжетах росписей *подлинные политические события середины VII в. н.э.*, связанные с Самаркандом (В.А. Шишкин, Л.И. Альбаум, М. Моде, С.А. Яценко и др. – т.н. *«исторические» версии*); в этом случае предполагается и желание художника *достоверно* передать костюм и оружие изображенных. Другие считают, что здесь, прежде всего, отражены *религиозные представления* жителей доисламского Согда или даже далеких Китая и Индии (*«религиозные» версии*). Например, А.М. Беленицкий и Б.И. Маршак полагали, что на западной стене народы, в том числе – иноверцы-буддисты (!), выражают почтение к «местной» богине Нане/Нанайе (14) (Azarpay, 1981, p. 61-63). М.Ю. Мотов считает, что в целом росписи символизируют триумф зороастризма в четырех сторонах света, являют мистерии в честь одного из божеств зороастризма – Митры, поклонение Великой богине, священный брак и т.п., и, следовательно, изображенные реалии должны быть мало связаны с действительностью (Мотов, 1999, с. 71-72, 75-76, 77-79). Маттео Компарети и Симоне Кристофоретти предположили, что на западной стене здесь изображен иранский Новый Год - Науруз, на восточной - древнеиндийский ритуал *ашвамедха*, а на северной и южной – китайский весенний праздник Дуаньюйцзе (Compareti, Christoforetti, 2004; 2007, p. 25) и т.п. Наконец, некоторые авторы склоняются к мнению, что росписи не содержат информации о конкретных событиях (политических или религиозных), а являются своеобразным географо-религиоведческим экскурсом, «сюжетами из жизни народов» или своеобразно маркируют стороны света – версии *«инокультурной экзотики»* (см., например: Булатова, Шишкина, 1986, с. 34).

Внимательный читатель обширной литературы по тематике данных росписей, несомненно, заметит, что авторы многочисленных версий их трактовки обычно концентрируются на *композиции*. Но они чаще всего избегают подробно охарактеризовать изображенные *реалии*, среди которых основное место занимает именно *костюм* (из существующих публикаций см., прежде всего, статьи И.А. Аржанцевой по поясам [Аржанцева, 1983; 1987] и ее кандидатскую диссертацию по вооружению [Аржанцева, 1986] и более поздние наши статьи, названные выше). Причина этого очевидна: они не являются специалистами по такой сложной проблематике, как интерпретация «исторического» костюма, не вполне владеют как костюмным материалом для сопоставлений, так и корректными методами костюмологического анализа, но, к сожалению, с соответствующими экспертами при этом тоже не консультируются. Не случайно, например, что знаменитую группу женщин в лодке на восточной стене просто (без какого-либо детального анализа) объявляют *китаянками* «в китайском костюме», игнорируя заключения современных китайских специалистов по костюму династии Тан (15).

Нетрудно заметить также, что авторы ряда версий интерпретации росписей явно или неявно предполагают «вольность» обращения художников с этнографическим материалом (так, М.Ю. Мотов, совершенно вне контекста представленных тюркских реалий, видит в сидящих обычных тюркских чиновниках… ортодоксальных зороастрийцев персидского типа с молитвенными ковриками, а их естественные жесты при разговоре рассматривает как позы молитвенного поклонения: Мотов, 1999, с. 76). Если считать эти трактовки справедливыми, то ценность изображенных здесь бытовых подробностей *несущественна или, как минимум, проблематична*. Я же полагаю, что изображенные в «Зале послов» реалии различных народов находят подтверждение в иных, независимых источниках (изобразительных и письменных) и что значимость подобных сведений (в том числе – для ранних тюркских этносов), напротив, очень велика (см.: Yatsenko, 2004, p. 1-43; Яценко, 2006, с. 248-262, 267-274, 337-339, 345, 360-362).

Многим из названных версий прямо противоречит тот факт, что изображения посольств с дарами сопровождаются надписями, где названы конкретные должностные лица и цитируются их речи, указывается порядок их представления Вархуману. Мы наблюдаем четкую иерархию членов посольств (кроме китайского), протокольную точность в передаче костюма и аксессуаров послов.

Думаю, что вполне официальный характер парадного зала 1 в резиденции одного из приближенных согдийского ихшида (возможно, отвечавшего за внешние сношения) (16) и росписей его главной – западной стены не оставлял большого простора для фантазии художника (хотя ему не раз пришлось, например, менять по каким-то причинам расположение участников китайского посольства на западной и северной стенах, первоначальные контуры которых наносились тонкой красной кистью). В свою очередь, несколько экзотическая версия о том, что поясняющие надписи на стенах могли быть сделаны *на многие десятилетия позже*, чем сами рисунки, вряд ли соответствует действительности. Уже около 676 г., в связи с внутренними смутами в Самарканде после первой войны города с арабами, часть центра города, в том числе данное домовладение, запустела (Ахунбабаев, 1990, с. 19; 1999, с. 11). Вообще, наличие ясных сопроводительных надписей, как будто, *мешает* исследователям, предлагающим наиболее экзотические версии. В таких случаях без особых сомнений утверждают, что очередная предложенная трактовка полностью «опровергает содержание надписей» (!) (Мотов, 1999, с. 75).

Я пока придерживаюсь своей прежней (осени 1994 г.) трактовки сцен «Зала послов» как нескольких событий, произошедших в Самарканде в конкретном году и в связи с конкретным правителем города Вархуманом, упомянутым в уточняющей надписях к этим сценам (Яценко, 1995, с. 13-16; Yatsenko 2004), и считаю, что внятных развернутых *контрагументов* данной версии никем из участников дискуссии еще не представлено. Как уже отмечалось, моя аргументация основана, *помимо* анализа композиции, прежде всего, на детальной, системной трактовке главной, наиболее обильно документированной реалии росписей – *костюма* персонажей, чего авторы других версий, увы, пока не предпринимали (ограничиваясь лишь очень беглыми утверждениями).

Разумеется, не стоит понимать ситуацию так, что Вархуман принял все изображенные посольства и свадебные кортежи *одновременно*, в течение одного дня. В надписи на западной стене отмечен одновременный прием царем лишь послов *двух непосредственных соседей* - Чаганиана и Чача. Остальные события (прием послов Китая и Кореи) могли происходить в течение, например, главного праздника Науруз, или нескольких месяцев *или одного года*, который по каким-либо причинам в правлении Вархумана был особенно памятным, важным. Все эти события совмещены в росписях одного зала. У меня есть серьезные основания считать, что *таким важным годом был 662 г. н.э.* (17).

Как уже отмечалось, росписи афрасиабской резиденции содержат информацию, прежде всего, по костюму персонажей и его аксессуарам. Хотя представители ряда этносов распознаются в немногих фигурах или на изображениях плохой сохранности, для изучения костюмных комплексов *западных («согдийских») тюрков и чаганианцев* ценность наших росписей исключительно велика. Особенностью афрасиабских изображений является то, что все посольства и свадебные поезда, представленные на западной, северной и южной стенах помещения 1, как я ранее пытался показать, прибыли в Самарканд почти одновременно. В таком случае, перед нами единственная синхронная серия костюмов *различных* народов доисламской Средней Азии, датируемая определенным годом.

В одной из моих статей (Yatsenko, 2004) уже подробно характеризовался костюм посольств и свадебных поездов каждого из 5 государственных образований, представленных в росписях. При этом было необходимо выяснить композиционные принципы, которыми пользовался художник, в частности - выявить взаимосвязанные группы персонажей внутри отдельных этносов.

Ценную информацию дает использование в отдельных частях парадного костюма *разноцветных сюжетных шелковых тканей*. Такие ткани на персонажах среднеазиатских этносов в Афрасиабе я склонен считать иранскими (сасанидскими), а не их местными подражаниями. Во-первых, одежда, *целиком* сшитая из них, представлена лишь на единичных важнейших персонажах чаганианского посольства и на знатнейших согдийцах из окружения Вархумана *(нумерация персонажей/фигур далее указана по: Альбаум, 1975):* фигуры 2-4 на западной стене; 1-4, 13-15 на южной стене.

Остальные довольствовались лишь обшивкой полосками из таких тканей краев ворота, подола и обшлагов. Во-вторых, хотя ко времени прихода к власти Вархумана Сасанидская держава только что престала существовать (с 651 г.), отрезы драгоценных персидских шелков в столицах среднеазиатских государств, несомненно, еще имелись в достаточном количестве (18). Итак, представляется наиболее вероятным использование в нашем случае *персидских* полихромных тканей, тем более, что местные, дешевые подражания в самом Согде у знати вряд ли были престижными; следует учесть также возросшую агрессивность Ирана на трассах важнейших караванных путей в конце VI в., в том числе - на Великом Шелковом пути, где персам удалось потеснить согдийцев (Frye, 1993, p. 75). Согдийские шелка были весьма надежно идентифицированы по ряду западноевропейских находок и сегодня разносторонне описаны (см., например: Орфинская, 2001, с. 9, 13-14).

Афрасиабские росписи создают уникальную возможность характеризовать костюм ранних тюрков, поскольку он передан не только в цвете, но и во всех деталях.

Иногда полагают, что здесь изображены не собственно тюрки, а тюркизированные согдийцы (Альбаум, 1975, с. 30-34). Однако такому выводу противоречат, прежде всего, подчеркнутые художниками монголоидные черты лиц персонажей, слабая растительность в нижней их части. Все изображения представителей тюркской элиты недавно фактически распавшегося Западного канагата (иначе - Он Ок Эли – «Государство десяти стрел», то есть тюркских племен) (она была связана в нашем случае, с основной тогда - южной из двух групп его племен - *нушиби*) сконцентрированы на единственной стене - западной. Это самая многочисленная из этнических групп «Зала послов», имеющая легко отличимую специфику (с учетом поздних прорисовок - не менее 28 частично или полностью сохранившихся фигур). Подчас тюрков представляют, прежде всего, именно как гвардию местного правителя. Так, Едзуко Кагеяма задается вопросом: «почему так много тюрок присутствуют при дворе царя Самарканда после падения Западного Канагата?», и она считает, что это западнотюркские военные наемники-*чакары*, бесстрашие и презрение к смерти которых в раннем средневековье были широко известны (см., например: Kageyama, 2002, pp. 309-323) (19). Однако видеть в этих персонажах воинов-телохранителей, думаю, нет оснований (20). Иногда изображенных «западных» тюрок рассматривают также как одну (самую большую) из прибывших в город иноземных делегаций. Две последних версии игнорируют сложную иерархию в облике и пространственном размещении тюркских персонажей, их руководство приемом послов, известные факты о смешенном тюрко-согдийском происхождении местной элиты в VII-VIII вв. и т.п. Мы полагаем, что привилегированное положение тюрков в росписи западной стены совершенно логично объясняется сохраняющейся к 662 г. зависимостью «царя Самарканда» Вархумана от тюрок (21) и органичным включением последних в этот период в состав уже этнически смешанной знати Согда.

Наиболее очевидными *особенностями* костюма тюрков в «Зале послов» являются: во-первых, *ношение за спиной 3-5 длинных кос в общей связке* (характер их соединения не вполне ясен – тонкие ремешки? – но видно, что они расходятся в самой нижней части); во-вторых, длинные (до щиколоток или чуть выше) *халаты из одноцветной ткани длиной до щиколоток, с запахом налево и двумя отворотами-лацканами*. Манера оформления края ворота двумя лацканами впервые отмечена на терракотах оазиса Хотан в Синьцзяне (рядом с прародиной тюрков - Турфаном) еще во II-IV вв., и затем была рядом ранних тюркских группировок по Евразии (Яценко, 2006, с. 204, 282; рис. 154, 7). Все тюрки, как и их подданные (согдийцы и чаганианцы) и их восточные соседи (китайцы), одеты в однотипные черные остроносые невысокие сапожки со скроенной отдельно и высоко пришитой подошвой (фигура/персонаж № 42; **рис. 8**, 18).

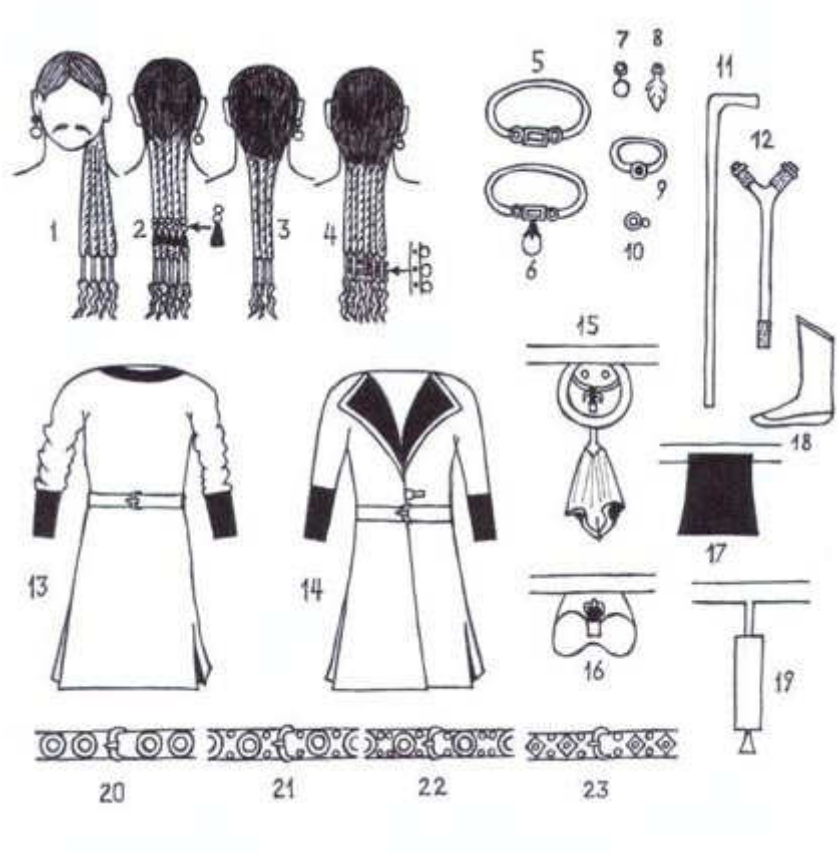


Рис. 8. *Мужской костюм тюрков в Афрасиабе/Самарканде (западная стена «Зала послов»; 4, 23 – зал III) (по Yatsenko, 2004, pl. 1):*
1 - фигуры 15, 16, 29, 42; 2 - фигура 39; 3 - фигура 28; 4 - зал III; 5 - фигуры 6, 19, 26; 6 - фигуры 5, 18; 7 - фигуры 5, 6; 8 - фигура 19; 9 - многие фигуры; 10 - фигура 18; 11 - фигура 19; 12 - фигуры 5, 18, 28, 42; 13 - фигуры 19 (нижняя одежда), 26, 27; 14 - фигуры 5, 18; 15 - фигуры 26, 28, 39; 16 - фигуры 16, 39, 41; 17 - фигура 6; 18 - фигура 42; 19, 20 - фигура 6; 21 - фигура 28; 22 - фигура 18, (42 ?); 23 - зал III.
Fig. 8. *The male costume of the Turks in Afrasiab/Samarkand (the western wall of the hall 23/1): 1 - personages 15, 16, 29, 42; 2 - personage 39; 3, 21 - personage 28; 4 - the hall III; 5 - personages 6, 19, 26; 6 - personages 5, 18; 7 - personages 5, 6; 8 - personage 19; 9 - many personages; 10 - personage 18; 11 - personage 19; 12 - personages 5, 18, 28, 42; 13 - personages 19 (the under clothes), 26, 27; 14 - personages 5, 18; 15 - personages 26, 28, 39; 16 - personages 16, 39, 41; 17, 19-20 - personage 6; 18 - personage 42; 22 - personages 18, (42?); 23 - the hall III (after Yatsenko, 2004, pl. 1).*

Последние частично скрыты длинными халатами, поэтому сапоги тюркского типа лучше всего преданы у некоторых членов китайского посольства на северной стене. Видимо, они, в соответствии с древнейшей центрально-азиатской традицией, идущей еще от эпохи бронзы (Там же, с. 282), имели треугольный выступ голенища спереди, под коленом (Альбаум, 1975, рис. 19, фигура 7а); в одном случае они перетянуты ремнем у щиколоток (фигура 1).

В одежде самаркандских тюрков-нушиби отмечаются следы *согдийского влияния*. Таковы высокие манжеты из многоцветной ткани для распашной одежды (Лобачева, 1979, с. 25), которые стали ранее широко употребляться в раннесасанидском Иране (Яценко, 2006, с. 215; рис. 157, 29). Исходный согдийский импульс вероятен и для манеры крепить одну полу халата к другой пуговкой на животе (Альбаум, 1975, рис. 5, фигура 5) (рис. 8, 14). Эта манера специфична для согдийцев еще с ахеменидского времени (Горелик, 1985, табл. II, 3) и еще пережиточно сохранялась в детском костюме горных таджиков (Рассудова, 1970, рис. 8). Выше (в связи с северокитайскими согдийскими погребальными рельефами) уже говорилось и о согдийском происхождении декоративной схемы халата единичного знатного тюрка в зале III: рис. 9).

По мнению Л.И. Альбаума, в ухе у тюрков Афрасиаба представлена лишь одна серьга (Альбаум, 1975, с. 32). Это, возможно, недоразумение, так как, по стечению обстоятельств, хорошо сохранились лишь изображения лиц, повернутых к зрителю в полупрофиль правым или левым боком.

К поясам (22) подвешены на специальных ремнях следующий предметы, обычные для раннего тюркского комплекта: 1) и 2) - два предмета вооружения (меч и кинжал); 3) поясная сумочка (тюрк. *“каптарга”*); 4) платок; 5) точильный камень в оправе (23). Лишь у одного из тюркских

чиновников можно предполагать именно пенал для писчих принадлежностей *(калямдон)* (фигура 6, см. ниже). В сумочках “каптарга”, судя по археологическим находкам, могли хранить зеркало, гребень, деньги и другие мелочи. Силуэт и декор сумочек в этот период могли заметно варьироваться (24). Все тюркские чиновники и их многолетние подданные (согдийцы и чаганианцы, включая женщин) носят на обеих руках стандартные золотые массивные браслеты со вставкой лазурита, бирюзы или жемчуга (см. ниже) (рис. 8, 9).

На западной стене изображены, на мой взгляд, следующие *группы тюрков.*

Три пары чиновников -”церемонимейстеров”. Судя по уточненным прорисовкам 1998 г., персонажи одной из них (левой) расположенной на краю композиции (западная стена, фигуры 26-27), беседуют, повернувшись друг к другу; персонажи второй (центральной) пары (фигуры 5-6) стоят впереди трех чаганианских послов и выслушивают склонившегося перед ними персонажа с дарами (?), указывая пальцем и тем и другому (ср.: Аржанцева, Иневаткина, 2005, рис. 3, фигуры 7 и 27). Третья (правая) пара (фигуры 18-19) изображена стоящей перед посольствами Чача и Кореи, давая им указания через переводчика (?). Для персонажей этих групп характерны золотые гривны. *Левая пара* чиновников (фигуры 26, 27), замыкающая композицию слева, отличается от всех изображенных тюрков очень важной особенностью: их плечевая (наплечная) одежда - *нераспашная* (подобно нарисованной у части чаганианцев и самаркандских согдийцев). Судя по изображению тюрка 19, здесь, возможно, представлена *нижняя* одежда (см. ниже) (рис. 8, 13).

В каждой из таких пар представляется несомненной разная роль персонажей, стоящих впереди (справа) и сзади (слева) по отношению к центру композиции. Левые в двух случаях указывают пальцем левой руки (на своего напарника?) (фигуры 5, 26). На фигурах *правых* процарапаны надписи-комментарии на согдийском (фигуры 6, 27) (подобные надписи сопровождают *наиболее значимых лиц* и в чаганианском посольстве); только у них представлена плечевая одежда с боковыми разрезами подола - как распашная (фигура 19), так и нераспашная (фигура 27).

В руке *правых* персонажей в двух из таких пар, находящихся по краям композиции (фигуры 19 и 27) - клюшка для игры в *конное поло (човган).* Эта конная игра, родиной которой был сасанидский Иран и южные ираноязычные районы Средней Азии, в народной среде приурочивалась к празднику Нового Года (Науруза) (Карамышева, 1987, с. 237-239). В VII-VIII вв. она стала популярной у знати как тюрков, так и китайцев, и условия ее проведения изменились. В преданиях тюрков-огузов утверждается, что победителя в этой игре иногда выбирали каганом (Osmanli tarihleri, 1949, s. 385). В странах, находившихся на трассе Великого Шелкового пути (и, в частности, в Китае) игра в поло к рубежу VII-VIII вв. организовывалась и в честь прибытия иноземных посольств (Крюков, Малявкин, Софронов, 1984, с. 168). Поэтому наличие клюшек для човгана также позволяет предполагать в *правых* фигурах 19 и 27 чиновников-церемонимейстеров высокого ранга.

В двух парах чиновников, встречающих послов передний *(правый)* персонаж непосредственно беседует с лицами, несущими дары (фигуры 6, 19). Облик *правых, более значимых персонажей* имеет здесь ряд специфических черт. У них к поясу подвешены прямоугольные сумки из разноцветных тканей или кожи (?), а также, видимо, подчеркивающие их статус специальные пеналы для писчих принадлежностей (калямдон) в оригинальном футляре (персонаж 6: рис. 8, 17, 19). В отличие от обоих *левых*, лица у них розовые, а не белые. У персонажа 19 халат по-домашнему спущен с плеч и закатан вокруг пояса (обшлага рукавов из орнаментированной ткани видны по бокам), закрывая такой важный для парадной церемонии атрибут, как наборной пояс. Под халатом носится рубаха с узким горизонтальным воротом. Золотые гривны у обоих правых чиновников - без каплевидной подвески в центре.

У задних (левых) персонажей (фигуры 5, 18) халат имеет высокие манжеты из орнаментированных шелковых тканей (рис. 8, 14). Их атрибуты – гривна с крупной каплевидной подвеской в центре, а

также короткая окрашенная в красный цвет и декорированная на концах пятнистыми набалдашниками палка-рогатина в форме буквы “Y”, использующаяся сидящими рядом тюркскими персонажами 28, 38, 39 и 42 как подпорка для правой руки *(курпача)* (фигура 5 держит ее в левой руке: рис. 8, 12; см.: Аржанцева, Иневаткина, 2005, с. 133), или в другом случае - не слишком длинная палка (фигура 18).

Большой интерес представляет *декор наборных поясов* описанных пар чиновников. К несчастью, он сохранился лишь у одного из “левых” и одного из “правых”. У переднего *(правого)* персонажа 6 пояс украшен рядом крупных круглых блях с ободком и без орнаментальной композиции в центре (Альбаум, 1975, с. 22) (**рис. 8**, 20) (25); к IX в. именно они характерны для мужчин – выходцев из клана кагана уйгуров Синьцзяна, вероятно – во многих случаях министров *(бирюк-тутуков)*: на их поясах мы видим до 16-18 экз. таких бляшек; см. ниже текст и рис. **13**, 1; **15**, 11; Яценко, 2000, с. 370; табл. 66, 11). У заднего (*левого*, то есть менее значимого) персонажа 18 декор сложнее: каждая крупная круглая бляха-накладка с ободком по краю окружена с двух сторон четырехугольником их 4 очень мелких круглых бляшек-накладок (Аржанцева, 1987, рис. 8, 5-8) (последние, видимо, могли быть и частями одной накладной крупной бляхи; см.: Аржанцева, 1987, рис. 8, 19). Оба варианта поясного набора известны в тюркском могильнике Кудыргэ на Алтае (Добжанский, 1990, табл. XXV, 1-2), который сегодня есть основания передатировать вновь интересующим нас временем - периодом Первого каганата (Азбелев, 1993, с. 89-92). Показательно, что кудыргинская могила 9 (откуда происходит пояс с бляшками, аналогичными афрасиабским поясам “правых/передних” чиновников в парах) гораздо богаче по инвентарю, чем могила 11 (содержащая поясной набор, сходный с имеющимся у “левых/задних” афрасиабских чиновников). Этот факт вновь подтверждает наш вывод *о более высоком статусе* “правых” персонажей 6 и 19. Декор поясов последних имеет аналогии на древнетюркских изваяниях Тувы (Евтюхова, 1952, рис. 18-19) и Семиречья (Шер, 1966, табл. VII, 33), среди остатков поясов из древнетюркских могильников и в сер. VII – сер. VIII вв. – в костюме знати тесно контактировавших с тюрками согдийцев (Яценко, 2006, с. 282; рис. 181, 71).

Кроме этого, на западной стене вполне надежно выделяются (несмотря на разрушение верхнего яруса живописи) *три группы сидящих тюркских чиновников* (левая, правая и центральная). Каждая из этих групп, несомненно, концентрируется вокруг главных персонажей. К сожалению, из трех руководителей ни одна фигура не сохранилось удовлетворительно.

Особое место среди всех представленных на западной стене тюрков занимает *главный персонаж центральной группы (фигура 36)*, состоящей всего из двух человек. Этот человек размещен в геометрическом центре всей композиции западной стены. Вокруг него веером расходятся в стороны тюркские чиновники и китайские послы. Его единственного развлекает сидящий перед ним музыкант со струнным инструментом (фигура 35); оба персонажа сидят без ковриков, и при этом (видимо – как раз из-за отсутствия ковриков) на пятках, поджав колени, а не по-турецки (скрестив ноги, как сидящие правее чиновники) но при этом явно – не просто на земле. Персонаж 36 единственный имеет *халат священного для ранних тюрков голубого цвета*, ассоциировавшегося с верховным небесным божеством Тенгри (в Тюркском каганате к аристократам *(бег)* прилагался эпитет “голубой” в противовес “черному народу” *(карабудун)*. Эта одежда приспущена с правого плеча, и распущен правый рукав (видно, что он заметно длиннее руки и обычно, видимо, стягивался внизу пуговкой: Аржанцева, Иневаткина, 2005, рис. 1, б, 36). При этом он сидит в достаточно свободной позе, облокотившись на правое колено, чтобы было удобнее слушать музыканта. Платок лишь у этого тюрка имеет желтый цвет (золотая парча?), и только он имеет всего три косы.

Рис. 9. *Афрасиаб/Самарканд. Знатный тюрок. Фрагмент стенной росписи в зале III, VI-VII вв. (Альбаум, 1975, табл. V).* ***Fig. 9.*** *Afrasiab/Samarkand. The noble Turkic man. Fragment of the wall painting of the Hall III, 7th c. AD (after Al'baum, 1975, pl. V).*

В двух других группах сидящих чиновников большинство персонажей, видимо, лишено гривен (см. полностью сохранившиеся фигуры 28, 29), носят, видимо, прическу из пяти соединенных длинных кос (рис. 8, 2), имеют сумочки круглой формы (фигуры 28, 37, 39, 40, 41); иногда они опираются подмышкой правой руки на короткие красные подставки-рогатины *«курпача»*, описанные выше. Судя по сохранившимся фрагментам (фигуры 28, 42), наборные пояса сидящих имеют декор из крупных круглых накладок с ободком по краю, окруженных каждая с двух сторон парой мелких плоских круглых накладок, расположенных одна над другой (Аржанцева, 1987, рис. 8, 1-3) (Рис. 8, 21).

Вероятно, центральным персонажем каждой из этих групп был один из чиновников, сидящих в почти не сохранившемся верхнем ярусе на коврике (сидящие там люди изображались лицом к зрителю, тогда как нижние персонажи на ковриках – спиной). *В левой группе* этот главный персонаж, видимо, находился за небольшой конструкцией из прутьев (то есть выше и правее персонажа 31). К нему, вероятно, шествует впереди китайских послов сохранившаяся лишь в нижней части пара фигур 33-34. Упомянутую конструкцию из прутьев (служившую как бы «подходом» к одному из главных лиц) окружают сидящие симметрично два мужчины в желтых халатах и с красными платками (фигура 32 и 31б правее нее), также показанные анфас. Видимо, светло-желтый цвет халатов у тюрков с высоким статусом означает, что они *расшиты золотой парчой*. В летней резиденции западнотюркского кагана 200 аристократов из его свиты, по данным Сюаньцзана, носили такие халаты, а рядовые воины - халаты из полотна (Chavannes, 1903, p. 194). Показательно, что желтый цвет халатов отмечен также у двух фигур в парах стоящих "церемонимейстеров", которые непосредственно или через переводчика беседуют с группами послов (фигуры 5, 19).

Правая группа сидящих имеет иную композицию, образуя горизонтальную линию. Она ограничена справа особым сооружением из "знамен и барабанов" (аналогии у средневековых кочевников см.: Mode, 1993, S. 28-29, Abb. 8-9). Перед ним сидят на пятках, поджав ноги без ковриков, держа вертикально спину и опустив руки на колени два персонажа (42 и 42а выше его); как и в случае с парой фигур 35 и 36, это отнюдь не свидетельствует об их более низком статусе. Если остальные смотрят друг на друга парами (фигуры 37 и 38) или жестикулируют между собой по трое (фигуры 39, 40 и 41), то эта пара смотрит на остальных. Их также отличают от остальных

кольца на мизинцах (вероятно, они носились на обеих руках); то же видим у левого в одной из пар стоящих чиновников-распорядителей – фигуры 18.

Возможно, самое низшее место в должностной иерархии изображенных тюрков занимают *три идущих цепочкой вверх (к правой группе сидящих) чиновника 15, 16, 17*. Их добавили *позже*, сократив цепочку из шествующих китайских послов. Прорисовки 1978 г. выявили у них носимые, как у прочих тюрков, мечи (в публикации Л.И. Альбаума они выглядели безоружными). Однако лишь они из всех изображенных, видимо, имеют пояса не с золотыми/позолоченными, а с серебряными (?) бляшками-накладками (фигуры 15 и 17 не окончены и недокрашены, но в отношении фигуры 16 это можно сказать более определенно). Гривны, вероятно, также отсутствуют (И.А. Аржанцева и О.Н. Иневаткина, правда, допускают, что они всегда скрыты воротом). Все трое носят по 4 косы, а не пять или три, как другие. Халаты названных персонажей по декору не отличаются от остальных тюрков, но имеют узкий стоячий ворот.

Рис. 10. *Женский костюм уйгуров Синьцзяна IX-XI вв.: 1 – Хочо, христианский храм (Le Coq, 1913, Taf. 7a); 2 – Шорчук, пещера VII (Bussagli, 1979, p. 93); 3 – Безеклык, храм 9 (Bussagli, 1979, p. 107).*
Fig. 10. *The female costume of Uygurs from Xinjiang of the 9th -11th cc.: 1 – Chotcho (Qoo), Christian temple (Le Coq, 1913, Taf. 7a); 2 – Shorchuq (Soruq), cave VII (Bussagli, 1979, p. 93); 3 – Bдzдklik, temple 9 (Le Coq, 1913, Taf. 30).*

Проведенный нами анализ позволяет достаточно определенно выделить в афрасиабских росписях на основании места в композициях, атрибутов и деталей костюма *следующие социальные группы тюрков.*
Персонаж 36 в голубом халате, размещенный в центре композиции западной стены, развлекаемый музыкантом и т.п., наиболее разумно считать *главным представителем кагана Ашина Буженя в*

Самарканде - тудуном, отвечавшим, кроме прочего, за сбор дани в городе и окрестностях. Ножны меча этого персонажа остались незакрашенными, но я не исключаю, что они были, в отличие от других тюрков в Афрасиабе (и подобно изображенным здесь же ножнам аристократов чаганианцев и согдийцев) позолоченными. Интересно, что у наиболее знатных лиц среди тюрков и согдийцев отсутствует сумочка справа у пояса (упомянутая фигура 36; южная стена, фигуры 1-4).

Группа 1. Персонажи, размещенные в паре стоящих чиновников *справа* (фигуры 6, 9, 27, говорящие через переводчиков с членами посольств (фигура 27: на одежде написана речь посла Чаганиана). Держат клюшку для придворной игры в конное поло (фигуры 19 и 27). Носят золотую гривну без каплевидной подвески, ременной пояс с рядом крупных круглых блях с ободком и сумочки квадратной формы (фигура 6). Серьги – обычные, с шаровидной подвеской (фигура 6) или же в форме листка (фигура 19). В числе подвесок пояса – крупный прямоугольный удлиненный футляр для писчих принадлежностей (фигура 6). Есть все основания отнести этих лиц к привилегированному слою древнетюркского аристократического сословия *«бег»*. Судя по росписям, на поясе персонажа 6 имелось около 30 золотых накладок. Вспомним, что, например, по эпитафиям ряда бегов из Тувы, на их поясе крепилось до 40-50 золотых накладок (Добжанский, 1990, с. 78).

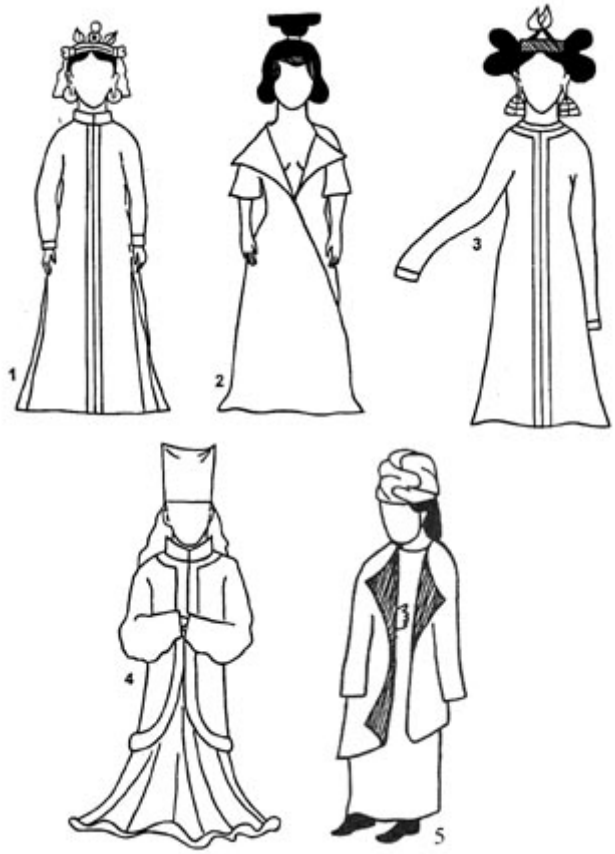


Рис. 11. *Женский костюм уйгуров Синьцзяна IX-XI вв. по изображениям из Хочо (по Яценко, 2000, табл. 68 и 57/4): 1, 4 – рисунки на ткани; 2-3 – руины К (стенные росписи); 5 – христианский (несторианский) храм у восточных ворот (все – по А. Лекоку).* ***Fig. 11.*** *The female costume of Uygurs from Xinjiang of the 9th -11th cc. (after Яценко/Yatsenko, 2000, pl. 68 and 57/4).*

К аристократам можно без особых сомнений отнести своеобразного персонажа из другого зала III, где живопись плохо сохранилась (Альбаум, 1975, табл. V) (**рис. 9**). Отметим прежде всего пояс, инкрустированный драгоценными камнями, единственный для тюрков Афрасиаба случай изготовления халатов целиком из шелковой сасанидской полихромной ткани, необычное для Афрасиаба количество кос (не менее 6) и точильный камень в парадном футляре, подвешенный к поясу (сравн. у фигуры 6 в группе 1). Бляшки пояса этого мужчины также не свойственны другим самаркандским тюркам: они ромбовидные. В этом наборе каждая такая накладка окружена с двух сторон двумя парами мелких круглых бляшек (Альбаум, 1975, табл. V) (Рис. 8, 23). Все сказанное об этом персонаже заставляет думать, что он относится не к южной группировке тюркских племен Западного каганата - *нушиби* (которая в VII в., за исключением 641-642 гг., контролировала Согд и доминировала в Каганате), а к его второй *северной группе племен дулу*. Действительно, именно на землях дулу в Чимкентской области Казахстана, у села Ванновка найдено каменное изваяние VII-VIII вв., на котором изображены те же ромбовидные бляшки пояса, те же 6 или 7 кос у знатного мужчины и т.д. (Чариков, 1989, рис. 2, 1; 3, 1-2). Сходные ромбовидные бляшки на поясе позже, с IX в. документированы у уйгуров Турфана (Grьnwedel, 1912, рис. 56, 664); см. также аналогию: Аржанцева, 1987, рис. 8 , 13-14.

Группа 2. Персонажи с круглыми сумочками, с 5 косами, с кольцом на одном пальце. Это тюрки из групп сидящих – левой, центральной и правой (фигуры 28-31, 35, 37-40, 42). К ним относятся также “*левые*/задние” в парах стоящих чиновников (фигуры 5, 18, 26?). Во *втором* случае эти люди имеют дополнительно золотые гривны (с каплевидной подвеской) и наборные пояса с гораздо большим числом мелких круглых накладок (за счет того, что ближе к концам пояса дополнительно крепились несколько накладок в форме соединенных четырех кружков). Замечу, что все три типа накладок поясных наборов лиц этой группы представлены и в синхронном “эталонном” тюркском могильнике Кудыргэ на Алтае). Мужчина из погребения 11 в Кудыргэ с аналогичным по декору группе 2 поясу предположительно характеризуется как воин, выдвинувшийся благодаря личным заслугам (Добжанский, 1990, с. 74). По-видимому, все персонажи этой группы можно отнести *к привилегированной части основного сословия древнетюркского сословия – воинов (эр).*

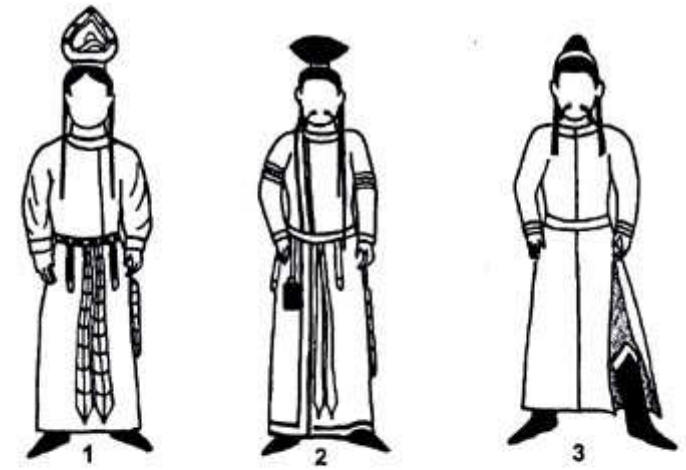
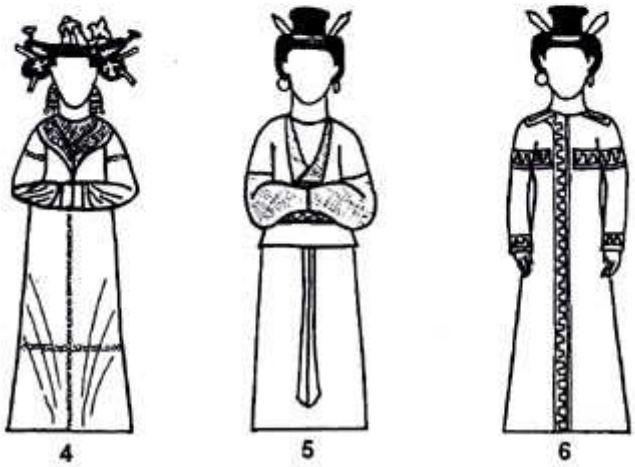


Рис. 12. *Костюм уйгуров Синьцзяна IX-XII вв. (по Яценко, 2000, табл. 69): 1 – Турфан (покупка); 2 – Безеклык, храм 6; 3 – Безеклык, пещера 19; 4 – Безеклык, храм 9; 5 – Шорчук, пещера 7; 6 – Муртук (ткань).*
(1 – по «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье», т. 3, М., 1995; 2-4 – по А. Лекоку; 5-6 – по “Along the Ancient Silk Routes”, New York, 1982).
Fig. 12. *The male costume of Uygurs from Xinjiang of the 9th -11th cc. (after Яценко/Yatsenko, 2000, pl. 69).*



Группа 3. Персонажи 15-17 с четырьмя косами и, возможно, без гривен. Наборные пояса украшены, видимо, серебряными накладками. В этих людях также трудно увидеть низшую категорию рядовых воинов из-за их присутствия на парадном приеме, украшенных сасанидскими шелками халатов и самого наличия наборных поясов. Дело в том, что из известных не ограбленных раннетюркских “всаднических“ погребений наборные пояса обнаружены лишь в каждом втором (Добжанский, 1990, с. 73).

В заключение обзора костюмного комплекса согдийских тюрков отметим дополнительно несколько его *особенностей*.

Во-первых, даже знатные тюрки группы племен нушиби в Самарканде одежду, целиком сшитую из полихромных сюжетных шелков, не носили, так как это противоречило их эстетическим нормам (исключение – описанный выше персонаж из другого зала III, относящийся, видимо, к группировке дулу из Семиречья). Подобные ткани использовались лишь для окаймления, а основной фон одежды был одноцветным и ярким (красный, желтый, голубой, белый). Судя по сообщениям Сюаньцзана, это касалось даже западнотюркских каганов (Chavannes, 1903, p. 194). *Во-вторых*, у одного персонажа правой части западной стены (фигура 19) верхняя одежда - желтый халат - подвернута вниз, вокруг пояса, и под ней мы видим нераспашную рубаху с

горизонтальным воротом и высокой манжетой без декора (Рис. 8, 13). Подобное подворачивание одежды в жаркую погоду, видимо, было в рамках приличий, так как этот персонаж носит халат таким способом на официальном приеме (такая манера известна и на китайских изображениях халатов тюркского облика: Northern Qi Tomb, 1990, p. 8, fig. 8); то же можно сказать и о приспускании халата с правого рукава у главного персонажа 36. *В-третьих*, у двух знатных сидящих персонажей в красных халатах (фигура 39 на западной стене и персонаж в зале III: см.: Альбаум, 1976, табл. V) каждая из кос в нижней части украшена в 3 яруса крупными бусами из обычных для раннесредневековой Средней Азии лазурита (или бирюзы) и горного хрусталя (?) (Рис. **8**, 4) (26). Частично просматривается такое украшение и у фигуры 18. Самаркандские тюрки при этом не носят бород и имеют короткие (не «вислые») узкие усы. *В-четвертых*, обувь у тюрков остроносая, со скроенной отдельно и высоко пришитой подошвой (фигура 42) (Рис. 8, 18). В-пятых, кожаные поясные ленты у тюрков короткие (в отличие, например, от чаганианских послов – фигур 2, 3, 4 – на той же западной стене, чаганианцев же и согдийцев на южной стене – фигур 9, 11 - у которых они дважды охватывают область таза). Упомянутый персонаж из зала III носит пояс с накладными бляшками (они на таблице у Л.И. Альбаума не окрашены, но, надо полагать, они должны быть золотыми/золочеными), которые инкрустированы маленькими круглыми вставками из тех же лазурита и жемчужин (?). Несомненно, что тюрки представлены (как и на панелях более ранних гробниц Северного Китая) в костюме *теплого сезона* (здесь нет описанных Сюаньцзаном для тюркских чиновников и воинов халатов на меховой подкладке и головных уборов).

Рис. 13. *Мужской костюм уйгуров Синьцзяна IX-XI вв. из Хочо: 1 – христианский храм (Le Coq, 1913, Taf. 7a); 2 – деталь знамени (Bussagli, 1979, p. 105); 3 – манихейская «икона» на ткани (Le Coq, 1913, Taf. 3b).*

Fig. 13. *The male costume of Uygurs from Xinjiang of the 9th -11th cc. from Khotcho/Qoo.*

По поводу распределения сюжетов сасанидских шелков у персонажей с росписей Афрасиаба замечу, что у представителя как согдийцев, так и чаганианцев в каждой из сцен (на южной и западной стенах) орнамент основного фона таких тканей *никогда не повторяется*. В некоторых

случаях можно предполагать *особое символическое значение полихромных шелковых тканей с тем или иным конкретным сюжетом*. Например, нетрудно заметить, что ткани с изображением *крылатого коня* (27) образуют основной фон одежды лишь у одного лица - предполагаемого царя Самарканда (южная стена, фигура 3), а у главного тюркского персонажа 36 на западной стене (предполагаемого каганского тудуна) лишь они образуют кайму его одноцветного голубого халата. Ткань с этим сюжетом использована для украшения костюма центральной группы стоящих тюркских чиновников (фигуры 5, 6), встречающих основные посольства из Китая и Чаганиана. Именно этот сюжет украшает халат загадочного персонажа – единственного из изображенных в соседнем зале III и единственного из тюрков, одетого целиком в полихромную ткань.

4. *Костюм уйгуров Синьцзяна (Восточного Туркестана) последней четверти IX - XI вв.* был ранее рассмотрен мною в специальном разделе главы по костюму 4-го тома коллективной монографии «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье» (Яценко, 2000, с. 367-382; табл. 64-69) (28). Уйгуры (кит. хуэйхэ или хуэйгу) вначале создали свой каганат в Монголии (744-840 гг.), но затем были побеждены бывшими данниками – кыргызами, бежали на нынешний запад Китая (Синьцзян) и с 874 г., разбив тибетцев, создали здесь новое государство. Уйгуры проживают в этом районе и по сей день, образуя одно из крупнейших национальных меньшинств Китая. Еще в Монголии этот тюркский народ принял манихейскую веру (а вскоре в основном перешел до XV века в буддизм) и стал использовать вместо рунического письма алфавит на основе новосогдийского.

Рис. 14. *Мужской костюм уйгуров Синьцзяна IX-XI вв. и раннего тюрка (6) на стенных росписях (по Яценко, 2000, табл. 67 и 63/2):*
1 – Безеклык, храм 9; 2 – Безеклык, храм 2; 3 – Муртук; 4 – Шикшин, пещера 11; 5 – Безеклык; 6 – Кызыл, пещера Майи.
(1 – по А. Лекоку; 2 – по А. Габен; 2-3, 5 – по А. Грюнведелю; 4 – по С.Ф. Ольденбургу).
Fig. 14. *The male costume of Uygurs from Xinjiang of the 9th -11th cc. and Eearly Turk man image (6) (after Яценко/Yatsenko, 2000, pl. 67 and 63/2).*

Чем же интересен костюм раннесредневековых уйгуров для современных исследователей? Прежде всего, это обилие детализированных полихромных женских изображений (**рис. 10-11; 12**, 4-6; **16**, 1-9; **17**, 1-7) (более ранние цветные образы тюрков представляют практически исключительно «мужской мир»). Обычно девушки-уйгурки, как сообщает «Удай Шицзы», «собирают волосы в пучок размером в 5-6 пунь и покрывают его красной косынкой из плотного шелка, а когда выходят замуж, то прибавляют фетровую шапочку» (Малавкин, 1974, с. 45). Из женских головных уборов особенно интересен «су-му-чже» аристократок, который, по данным «Сунши», использовался уйгурками в и ритуальных представлениях (Там же, с. 89, 168). Это плоская красная лаковая шапочка, соединенная с двумя косичками, повязанными вверху бантом. Волосы при том собирались по бокам в два больших узла, обтянутых черной газовой тканью с вышивкой в виде фениксов/фэнхуан и облаков; сзади иногда свисала до земли красная

лента (**рис. 10**, 3; **11**, 3;**12**, 4; **16**, 7-9). У одной из уйгурок-христианок в несторианском храме у восточных ворот Хочо (кон. IX в.) видим интересный убор в виде сложно и оригинально повязанной «чалмы» (рис. 10, 1; 11, 5). Аналогичный убор известен и на тюркском мужском изваянии из Алтан-Сандала в Монголии (Nowgorodowa, 1980, S. 246), и у нас нет оснований связывать его происхождение у тюрков с арабским исламским влиянием (29). Не менее интересен факт сохранения уйгурскими женщинами еще в начале XX века двух типов уборов, документируемых в материалах раннесредневековой Уйгурии (Чвырь, 1990, табл. VIII, 2; XII): в форме уплощенного с полюсов шара (тип 6 по Л.А. Чвырь) в росписях Кириша (Le Coq, 1925, Taf. 42, 43) (рис. 17, 2) и полусферических шапочек, скроенных из четырех долек (тип 1 по Л.А. Чвырь, в поздних вариантах затканы золотой парчой) (последняя в виде подлинного артефакта происходит из развалин Хочо, и на ее лобном секторе вышит оберег – сидящее буддийское божество: Le Coq, 1913, Taf. 63) (рис. 17, 5).

Рис. 15. *Обувь и пояса уйгуров Синьцзяна IX-XI вв. (по Яценко, 2000, табл. 66): 1, 4-5, 7-8, 10-14 – стенные росписи; 9, 15 – рисунки на ткани; 2, 3, 6 – обувь из тканей и войлока; 10 – типы бляшек наборных поясов (по росписям). Известные пункты находок: 1-4, 6 – Хочо; 7 – Шикшин, пещера 11; 8 – Муртук; 9 – храм Яр-Хото; 11, 13 – Безеклык, храм 9; 14 – Хочо, руины К; 15 – Хочо, храм Z. (1-6, 9-14 – по А. Лекоку; 7 – по С.Ф. Ольденбургу; 8 – по А. Грюнведелю; 15 – по "Along the Ancient Silk Routes", New York, 1982).*

Fig. 15. *Foot gear and belts of Uygurs from Xinjiang of the 9th -11th cc. and Eearly Turk man image (6) (after Яценко/Yatsenko, 2000, pl. 66).*

Во-вторых, это преобладание *одноцветных* (красных) одежд (они могут иметь желтую или красную кайму, шиться из тканей с цветочным орнаментом, но на красном фоне) (30); в то же время, все представители знати разных рангов в определенных ситуациях бывают одеты в одежду из полихромных тканей (вероятно – обычно из высококачественной местной парчи). Важнейшим рубежом в истории уйгурского костюма стал XII в., когда, судя по китайским источникам (Малявкин, 1974, с. 92) и изобразительным материалам (см., например, изображение уйгурского князя в пещере 409 в Дуньхуане: Dunchuang Institute.., 1983, pl. 109), в нем стал преобладать *черный* цвет (31).

В-третьих, большое разнообразие причесок и головных уборов уйгуров обоих полов (**рис. 16-17**) отражает не только социальную иерархию, но и сложный родоплеменной состав турфанской Уйгурии. Наши исследования показали, что наиболее важным визуальным символом принадлежности к той или иной ступени общественной иерархии у мужчин всех шести социальных групп знати был тип головного убора (он часто подвязывался у подбородка красным шнурком) (Яценко, 200, с. 369-372). Для высшей группы (после самого правителя-*идикута*) – членов каганского клана и других знатнейших родов и, в том числе, министров, был характерен сложнопрофильный высокий островерхий убор красного или желтого цвета (он также мог

покрываться пестрой тканью). Их пояс, сплетенный из зеленой тесьмы, украшен редко нашитыми крупными круглыми золотыми бляхами с ободком (к нему подвешивались, среди прочего, с боков две сумочки и два пенала-*калямдон* для писчих принадлежностей); наплечная одежда – глухо застегнутые халаты до пят из полихромной ткани с красным фоном и рукавами много длиннее руки (за исключением молитв и ритуальных танцев, такие рукава у уйгуров не распускались, а носились, собранные у запястий пуговкой); обувь – высокие черные или белые сапоги; прическа – с 4-6 весьма длинными косами и небольшой бородкой (часто – раздвоенной) (**рис. 13**, 1; **14**, 2; **15**, 11; **17**, 10).

Рис. 16. *Прически и головные уборы уйгуров Синьцзяна IX-XIV вв. (по Яценко, 2000, табл. 64):*
1, 3-16, 18-19 – стенные росписи; 2, 15, 19-21 – рисунки на ткани; 17 – манихейская книжная миниатюра.
Известные пункты находок: 1 – Безеклык, пещера 37; 3 – Безеклык, храм 9; 4 – Безеклык, храм Z; 5 – Хочо; 6 – Кумтура, пещера 33; 7 – Хочо, храм 7; 8 – Безеклык, храм 12; 9 – Безеклык, пещера 40; 10-11 – Безеклык, храм 9; 12 – Безеклык, храм 2; 13 – Шишкин; 14 – Муртук, пещера 3; 16 – Хочо, храм Т; 17 – Хочо, руины К; 18 – Хочо, руины 4; 20 – Безеклык; 21 – Хочо.
(2-4, 7, 9-12, 14-15, 18, 20-21 – по А. Лекоку; 1, 6, 17, 19 – по А. Грюнведелю; 5, 8 – по А. Габен; 13 – по С.М. Дудину; 16 – по М. Майар).
Fig. 16. *Haircut, coiffure and headdresses of Uygurs from Xinjiang of the 9th-14th cc. and Eearly Turk man image (6) (after Яценко/Yatsenko, 2000, pl. 64).*

Менее значимые персонажи обычно изображаются как распорядители на пирах или участники соколиных охот. Их головные уборы (подвязанные под подбородком) имеют вид полушария; прическа – либо с двумя косами, либо без них с ровно подстриженными надо лбом волосами. Халаты также из полихромной ткани. Поясов они носили, видимо, по два: выше, на талии – красный матерчатый китайского типа, повязанный спереди бантом; ниже – кожаный наборной с 4-6 дополнительными подвесными ремнями) (**рис. 15**, 9, 12; **17**, 18). Две группы мужчин еще ниже рангом обслуживают правителя или людей первой из названных групп (выступают как придворные музыканты, держат над ними опахала и зонты и несут их церемониальные жезлы). Их уборы – трезубая корона на высоком цилиндрическом основании и шапочка с линзовидным навершием черного или белого цвета. В первом случае их наборные пояса также имеют 4-6 дополнительных подвесных ремней (бляшки в форме квадратов или ромбов) (**рис. 15**, 10, 13; **17**, 19). Во втором случае их прически – с одной, двумя или четырьмя косами; они носят простые по оформлению халаты длиной от колен до пят; из двух поясов у одного, по китайскому обычаю, длинные расширяющиеся концы свисают до щиколоток; к другому – ременному наборному - подвешены пенал и сумочка (**рис. 12**, 2; **16**, 10).

В-четвертых, подобно германцам Западной и Северной Европы, в раннесредневековой Уйгурии мужские прически из длинных кос (от 2 до 12; при этом их не соединяли между собой, как у более ранних тюрков) стали привилегией знати, а рядовые мужчины стали носить короткую стрижку и без бороды; одежда простолюдинов короче (до колен) и подпоясана простой веревочкой или ремешком.

Посетите: formuseum.info и swordmaster.org

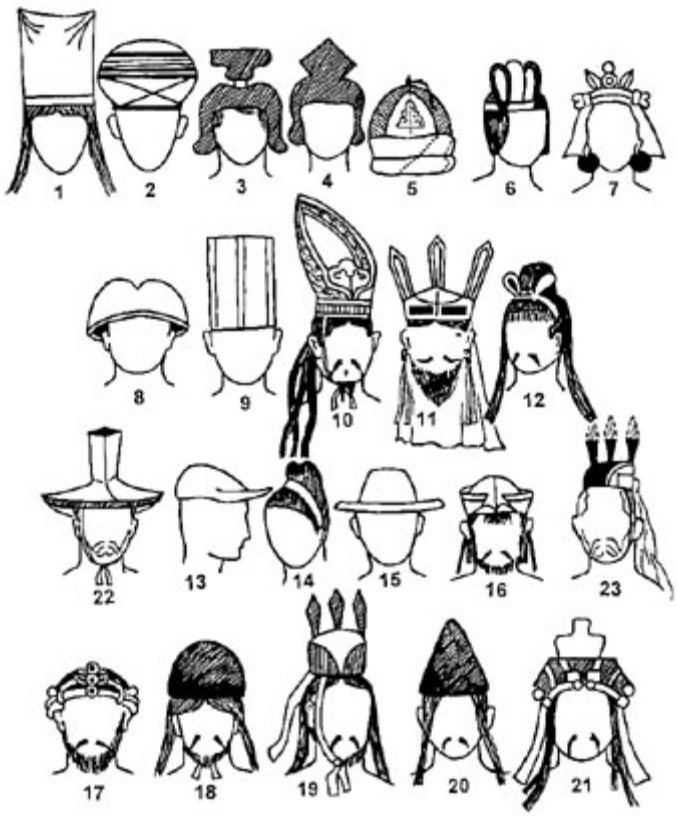


Рис. 17. *Головные уборы уйгуров Синьцзяна IX-XII вв. (по Яценко, 2000, табл. 65):*
1-3, 8, 12-16, 18-24 – стенные росписи; 4-7, 9, 11, 17 – рисунки на ткани; 5 – головной убор из раскопок.
Известные пункты находок: 1 – Безеклык, храм 7; 2 – Кириш, «Пещера с несущими венки голубями»; 3-6, 9, 11, 17, 20 – Хочо; 8 – Хочо, руины К; 10, 12 – Безеклык, храм 9; 13 – Муртук, пещера 3; 15 – Безеклык, зал 11; 16 – Карашар, Мингой; 17, 21 – Турфан (покупка); 18, 19 – Идикутшари, дворец кагана; 22-23 – Шорчук, пещера 7.
(1-5, 7-12, 14, 18 – по А. Лекоку; 13, 15, 19, 20 – по А. Грюнведелю; 17, 21 – по С.Ф. Ольденбургу; 6 – по Н.В. Дьяконовой; 16 – по А. Стейну; 22-23 – по "Along the Ancient Silk Routes", New York, 1982).
Fig. 17. *Headdresses of Uygurs from Xinjiang of the 9th-12th cc. (after Яценко/Yatsenko, 2000, pl. 65).*

В-пятых, в целом уйгурский костюмный комплекс IX-XI вв. подвергся заметной *китаизации*. Она выражалась в использовании китайских тканей, в запахивании халатов направо, в использовании халатов китайского облика с резко расширяющимися рукавами (**рис. 13,** 3), в ношении обоими полами китайских тканых поясов со свисающими почти до пят длинными, расширяющимися концами (**рис. 12**, 1-2, 5) и женских, стягивающих грудь, в использовании мужчинами (в том числе – простолюдинами) характерного убора китайских чиновников «путоу», а женщинами – некоторых типов китайских причесок (**рис. 16**, 1, 5-6), в бытовании туфель и чулок китайского типа, в достаточно широком использовании китайских орнаментальных мотивов.

К сожалению, образы каждой из рассмотренных мною коллекций полихромных изображений ранних тюрков и сегодня содержат еще немало трудно объяснимых деталей, а предложенные здесь трактовки зачастую имеют неизбежно гипотетический характер. В этом плане исследователям костюма предстоит большая работа.

Посетите: formuseum.info и swordmaster.org

Литература

Азбелев П.П. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля // Петербургский археологический вестник. Вып. 3. СПб., 1993.

Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.

Аржанцева И.А. К вопросу о символике поясов в древности // Проблемы истории СССР. Вып. XIII. М., 1983.

Аржанцева И.А. Раннесредневековое вооружение Средней Азии. Дисс…канд. ист. наук (рукопись). М.: МГУ, 1986 (Деп. в ИНИОН РАН, № 19918).

Аржанцева И.А. Пояса на росписях Афрасиаба // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 21. Ташкент, 1987.

Аржанцева И.А., Иневаткина О.Н. Еще раз о росписях Афрасиаба: новые открытия, которым четверть века // Центральная Азия: источники, история, культура (Отв. ред. Е.А. Антонова, Т.К. Мкртычев). М., 2005.

Ахунбабаев Х. Дворец ихшидов Согда третьей четверти VII в.н.э. на Афрасиабе // Культура древнего и средневекового Согда. Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Ташкент, 1990.

Ахунбабаев Х.Г. Дворец ихшидов Согда на Афрасиабе. Самарканд, 1999.

Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973.

Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. IV. Л., 1979.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М., 1950.

Булатова В.А., Шишкина Г.В. Самарканд – музей под открытым небом. Ташкент, 1986.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центральной Азии. М., 1991.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Евразии. Новосибирск, 1990.

Елеукенова Г.Ш. Очерк истории средневековой скульптуры Казахстана. Астана, 1999.

Ермоленко Л.Н. Могли ли раскрашиваться древнетюркские изваяния? // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II (Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский). – СПб., 2003.

Ермоленко Л.Н. Еще раз к вопросу о первоначальном виде каменных кочевнических изваяний // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии (Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. 3). Барнаул, 2007.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 24. М., 1952.

Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки. СПб., 1992.

Карамышева Б.Х. К вопросу о культовом значении конных игр в Средней Азии // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII-XIII вв.). М., 1984.

Лобачёва Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по материалам стенных росписей) // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.

Майтдинова Г.М. Костюм раннесредневекового Тохаристана (по памятникам искусства и археологии). Дисс… канд. искусствоведения (рукопись). Ташкент: Институт искусствознания, 1991.

Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв. Новосибирск, 1974.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.

Мотов Ю.А. Изображение мистерии праздника Михраган в настенных росписях Афрасиабского дворца // История и археология Семиречья (Отв. ред. А.Н. Марьяшев). Алматы, 1999.

Орфинская О.В. Текстиль VIII-IX вв. из коллекции Карачаево-Черкесского музея: технологические особенности в контексте культуры раннесредневековой Евразии. Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 2001.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974.

Рассудова Р.Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана // Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. XXVI. Л., 1970.

Робровский В.И. Труды экспедиции Императорского Русского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893-1895 гг. Ч. I. Вып. 1. СПб., 1900.

Сиань фасянь де Бэй Чжоу Ань Цзе (Северочжоусская гробница Ань Цзе, раскопанная в Сиани) // Вэньу. 2001. № 1 (на кит. яз.).

Степи Евразии в эпоху средневековья (Отв. ред. С.А. Плетнева). М., 1981.

Тайюань Суйдай Ю Хон му циньли чжианьбао (Краткий отчет о гробнице Ю Хона, династия Суй, раскопанной в г. Тайюань, Шаньси) // Вэньу. 2001. № 1 (на кит. яз.).

Фэн Ханьцзы. Ван цзянь му чуту дадай као (Изучение пояса из погребения Ван Цяня) // Каогу. 1959. № 8.

Чариков А.А. Новые находки средневековых изваяний в Казахстане // Советская археология. 1989. № 3.

Чвырь Л.А. Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX – начале XX в.: Очерки историко-культурных связей. М., 1990.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М, Л., 1966.

Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. Рассказ о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981.

Шишкин В.А. Афрасиаб – сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966.

Эршиу ши (Двадцать пять историй). Т. 3. Шанхай, 1956 (на кит. яз).

Яценко С.А. О точной дате и обстоятельствах прибытия посольств, изображенных на росписях Афрасиаба.// “Узбекистан - вклад в цивилизацию. Бухара и мировая культура”. (Тезисы). Вып. 3, часть 1. Бухара, 1995.

Яценко С.А. Раздел 3 «Костюм» // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье (Том IV). Архитектура. Искусство. Костюм. (Отв. ред. Б.А. Литвинский). М., 2000.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006.

Arzhantseva I., Inevatkina O. Afrasiab Wall-paintings revisited: new discoveries twenty five years old // Royal Nawruz in Samarkand. Acts of the Conference held in Venice on the Pre-Islamic Afrasiab Painting (Ed. by M. Compareti, E. de la Vaissure). Rome, 2006.

Azapray G. Sogdian Painting. The Pictoral Epic in Oriental Art. Berkeley, Los Angeles, London, 1981.

Beckwith C.I. Aspects of the early history of the Central Asian guard corps in Islam // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1984. Vol. 4.

Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. VI. СПб., 1903.

Cohen B. The Colors of Clay. Special Techniques in Athenian Vases. Los Angeles, 2006.

Compareti M., Christoforetti S. Una tipica festa cinese tra le pitture del VII secolo d. C. di Afrasyab (Samarcanda)? // www. cinaoggi.it/ storio/ tipico-fosto-cinoso.htm (2004).

Compareti M., Christoforetti S. The Chinese Scene at Afrasiab and the Iranian Calendar. Venice, 2007.

Csallany D. Der awarishe Gьrtel // Acta archeologica. T. XIV. Fasc. 3-4. Budapest, 1962.

Dien A.E. The “sa-pao” Problem Re-examined // Journal of the American Oriental Society. Vol. 82, 1962.

Dunchuang Institute for Cultural Relics. Art Treasures of Dunchuang. Hong Kong, 1983.

Fukai S., Horiuchi K. Taq-i Bustan. Vol. III (Photogrammetric elevations). Tokyo, 1983.

Frye R.N. Sasanian-Central Asian Trade Relations // Bulletin of the Asia Institute (New Series). Vol. 7. Bloomfield Hills, 1993.

Grьnwedel A. Altbuddhistische Kultstдtten in Chin□sich Turkestan. Berlin, 1912.

Juliano A.L. Chinese Pictorial Space at the Cultural Crossroads // □ran ud An□r□n. Studies Presented to Boris Il’i Maraak on the Occasion of His 70th Birthday (Ed. by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia). Venice, 2006(a).

Juliano A.L. Converging Traditions in the Imagery of Yu Hong’s Sarcophagus: Possible Buddhist Sources // Journal of Inner Asian Art and Archaeology. Vol. 1. Turnhout, 2006(b).

Juliano, A.L., Lerner J.A. Eleven Panels and Two Gate Towers with Relief Carving from a Funerary Couch // Miho Museum, South Wing. Shigaraki, 1997a.

Juliano A.L., Lerner J.A. Cultural Crossroads: Central Asian and Chinese Entertainers on the Miho Funerary Couch // Orientations, Vol. 28, 1997b.

Juliano A.L., Lerner J.A. Monks and Merchants. Silk Road Treasures from Northern China. Gansu and Ninxia, 4th -7th Century. New York, 2001.

Kageyama E. A Chinese Way of Depicting Foreign Delegates Discerned in the Painting of Afrasiab // Iran: Questions et Connaissances. Actes du IVe congrиs europйen des Йtudes iraniennes (Ed. P. Huyse). Paris, 2002.

Laszlo G. Etudes archeologiques sur l'histoir de la societe Avars. Budapest, 1965.

Le Coq A. von. Chotscho. Berlin, 1913.

Le Coq A. von. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens. Berlin, 1925.

Lerner J.A. Anjia Tomb of Northern Zhou at Xi'an' // Shaanxi Provincial Institute of Archaeology (in Chinese with an English Abstract). Beijing, 2003 (in Chinese with an English Abstract).

Lerner J.A. Aspects of Assimilation: The Funerary Practices and Furnishings of Central Asians in China (Sino-Platonic Papers, 168). Philadelphia, 2005.

Maillard M. Essai sur la vie matйrielle dans l'oasis de Tourfan pendant le Haut moyen вge. Paris, 1973.

Marhak B.I. La thematique sogdienne dans l'art de la Chine de la seconde moitie du VIe siecle // Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. Compur rendus des sйances de l'annee 2001 janvier-mars. Paris, 2001.

Marhak B.I. The Miho Couch and the Sino-Sogdian Works of Art of the Second Half of the 6th Century // Bulletin of Miho Museum. Vol. 4. Shigaraki, 2004.

Mode M. Sogdien und die Herrscher der Welt. Tьrken, Sasaniden und Chinesen in Historiengemдden des 7 Jahrhunderts n. Chr. Aus Alt-Samarqand. (Europдische Hochschulschriften. Reihe XXVIII. Bd. 162). Frankfurt am Main, 1993.

Northern Qi Tomb with Murals on Southern Outskirts of Taiyuan // Wenwu. 1990. № 12 (in Chinese with an English Abstract).

Osmani tarihleri. C.1. Istanbul, 1949.

Rong Xinjiang. Daily Life in Sogdian Colonies along the Silk Road // Bulletin of Miho Museum. Vol. 4. Shigaraki, 2004.

Shaanxi Provincial Institute of Archaeology. An Jia [Qie] Tomb of Northern Zhou at Xi'an' (in Chinese with an English Abstract). Beijing, 2003.

Silvi Antonini C. The paintings in the palace of Afrasiab (Samarkand) // Revista degli Studi Orientali. 63. Roma, 1989.

Trumpelmann L. Das Sasanidische Felsrelief von D□r□b (Iranische Felsreliefs. B; Iranische Dankmдler B; Lieferung 6). Berlin, 1975.

Yatsenko S.A. The Costume of Foreign Embassies and Inhabitants of Samarkand on Wall Painting of the 7th c. in the Hall of Ambassadors from Afrasiab as a Historical Source // Transoxiana. Nъmero 8. Roma, 2004. - http: // www.transoxiana.org/8 .

Посетите: formuseum.info и swordmaster.org

Ссылки

1.Некоторые из авторов – специалистов по «археологическому» текстилю подчас утверждают, что только собственно остатки одежды из тканей или кожи в древних погребальных и мемориальных комплексах дают объективную и максимально полную информацию по истории костюма доиндустриальных обществ. Остальные же категории историко-культурных источников (письменные, изобразительные, остатки обильных нашивных украшений из неорганических материалов) объявляются заведомо недостаточно достоверными, ущербными и любые выводы по ним - малозначимыми. С точки зрения этих исследователей, статья по тематике, подобной предлагаемой сейчас читателю, по большому счету лишена смысла. Мне же такая позиция, напротив, кажется непродуктивной; думаю, текстиль как тип «костюмных» источников ничуть не «объективнее» других. Если отбросить сложные современные историософские построения западноевропейских ученых и говорить кратко, то «объективных» источников историко-культурной информации, увы, не существует: любой из их типов заведомо неполон, может вызвать даже у квалифицированного исследователя неадекватное восприятие и привести к серьезным ошибкам. Это относится и к «археологическому» текстилю (который за редкими исключениями, как известно, происходит из погребальных и мемориальных комплексов). Во-первых, остатки текстиля такого рода обычно фрагментированы, и предметы одежды требуют реконструкции (ее «объективность», естественно, также проблематична). Во-вторых, для погребальных комплексов весьма характерна неполнота комплекта одежд (при этом зачастую не вполне ясно, что именно из «полного списка» отсутствует и почему, была ли эта одежда верхней и т.п.). В-третьих, следует постоянно помнить, что речь идет именно о ритуальных комплексах. В них во многих религиозных и этнических традициях присутствует особая небытовая погребальная одежда, или человека (особенно женщину) хоронили в ритуальной же свадебной, или в ритуально неполной (чтобы покойник не «сбежал» из могилы» и т.п.), в особым образом перелицованной или нестандартно используемой (вроде чалмы мусульманина, после смерти часто превращавшейся в его же саван) или имеющей нестандартный крой (упрощенно имитирующей реально носимые образцы; несшитой; особых капюшонов и погребальной обуви; одеяний, нарочито архаичных по облику). Иногда с одежды сшивали нашивные украшения, заменялся их материал (например, металл на дерево). Безусловно, во многих случаях наличный состав тканей в могилах не отражает и реальное соотношение между различными видами местного и импортного текстиля в том или ином обществе, а также его бытовое использование, и это часто приводит к ошибкам. Иными словами максималистские претензии типа описанных выше, кажутся совершенно необоснованными, они являются своего рода «детской болезнью» роста той или иной отрасли науки. Они могут быть частично «оправданы» лишь искренней увлеченностью специалистов своей узкой научной проблематикой. Не секрет также, что в утверждениях об «исключительной роли» текстиля в изучении древнего костюма часто сквозит недостаточный навык исследователя в работе с другими видами «костюмных» источников, а также известный дефицит уважения к множеству коллег из разных стран, исследующих костюм на изображениях, по неорганическому костюмному декору из могил или письменным источникам, неполное понимание их проблем.

2.Приношу искреннюю благодарность академику Борису Анатольевичу Литвинскому (Москва, Институт востоковедения РАН) за ознакомление с редкими печатными изданиями и консультации по раннесредневековому костюму уйгуров Синьцзяна в 1987 г. и 20 лет спустя - в 2007 г.; Ирине Анатольевне Аржанцевой (Москва, Институт этнологии и культурной антропологии РАН) за предоставление неопубликованных прорисовок росписей «Зала послов» в Самарканде в 1994 г.; доктору Джудит Лернер (Нью-Йорк) за предоставление ею в 2007 г. цветных фото погребальных лож и саркофагов Северного Китая и ценные комментарии; Марине Евгеньевне Килуновской (С.-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН) за фотоматериалы 2007 г. по Туве.

3.См. об этой должности: Dien 1962, p. 335-346.

4.В ряде случаев (на двух панелях ложа Ань Цзе, где мы видим совместно сидящих «на равных» знатного тюрка и согдийца Ань Цзе) это также иная манера сидеть (на пятках при касающихся земли коленях).

5.Речь идет о деталях конструкции и отделки парадных юрт, декоре ковров, облике парадной посуды, конструкции вьючного седла для лошадей и др. См. также: Rong Xinjiang, 2004.

6.Вначале в публикациях использовалась менее корректная латинская транскрипция - An Jia, на что вскоре обратил внимание известный американский синолог Victor Mair.

7.Город Чанъань («Вечное Спокойствие») – в скором будущем - столица империи при династии Тан и крупнейший город тогдашнего мира площадью около 80 кв. км (ныне – Сиань в пров. Шэньси).

8.Ср. более «смягченную» оценку официальных китайских историографов, например: Бичурин, I, 1950, с. 229.

9.Во-первых, его костюм на всех четырех панелях никак не соответствует детальному описанию облика кагана, данному вскоре таким обстоятельным и точным в наблюдениях человеком, каким был великий китайский путешественник-паломник Сюаньцзан (см., например: Chavannes, 1903, p. 194). Во вторых, на одной из панелей чиновник Ань Цзе, как будто, официально принимает этого тюрка у себя дома, что для тюркского повелителя высокого ранга (даже для владетеля одного из улусов – «локального» кагана) было бы совершенно невозможно (не забудем также, что китайские миссии возглавляли в это время обычно чиновники относительно невысоких званий).

10.В синхронном Великому каганату тексте «Чжоушу» подчеркивается, что у тюрков (туцзюэ) одежда запахивалась налево (иначе – правая пола была при запбхе сверху) (Эршиу ши, 1956, с. 2340). Однако, в связи с неверным переводом этого фрагмента на русский язык, у тюркологов возникла изрядная путаница (см. подробнее: Вайнштейн, 1991, с. 189).

11.«Таншу», говоря о событиях предшествовавшей династии Суй, сообщает, что в оазисе Турфан, включенном в Каганат, верховный каган тюрков в 590 г. самым жестким образом потребовал от мужчин (даже от местных китайцев) запахивания халата по-тюркски (налево) и ношения длинных кос тюркского типа в ответ на распространение там китайских обычаев (Chavannes, 1903, p. 103; см. также: Яценко, 2000, с. 361, 363). У тесно контактировавших с китайцами уйгуров еще перед переселением из Монголии в Турфан во 2-й пол. IX в. вся знать (в отличие от части простолюдинов) уже запахивала халаты на «престижный» китайский манер (см.: Яценко, 2000, с. 367).

12.На двух противоположных боковых стенах (северной и южной) изображено, вероятно, прибытие иноземных невест в окружении пышной свиты (невест сопровождают самые многочисленные из посольств, впереди которых - группы женщин) (Шишкин, 1966, с. 18; Альбаум, 1975, с. 56). Наконец, на восточной стене (которую входящий в зал видел в последнюю очередь) представлены детали различных мифологических, фольклорных сцен, темы которых связаны с Индией. Размещение тех или иных композиций на стенах зала строго иерархично и, скорее всего, подчинено определенным политическим целям.

13.Текст моей статьи был подготовлен осенью 1994 г. для коллективной монографии по росписям Афрасиаба, которая готовилась И.А. Аржанцевой, О.Н. Иневаткиной и рядом других исследователей. К сожалению, подготовка этой книги не была завершена, и она не была издана. Десять лет спустя я издал этот текст на английском в международном Интернет-журнале

“Transoxiana” (Yatsenko, 2004). Сегодня, спустя 13 лет, этот текст нуждается в небольшой корректировке.

14.Образ богини Наны, как сегодня принято думать, восходит к главной шумерской богине Инанне, впервые упоминаемой в период III династии Ура.

15.Уверенно отвергает трактовку их костюма как китайского, в частности, такой признанный специалист, как профессор Хуан Чжэньцзянь / Huang Zhengjian (Институт истории, Академия наук КНР, Пекин), любезная консультация автору в декабре 2005 г. Исключением мы оба считаем лишь относительную близость к китайским образцам облика нижних юбок (распространенных, впрочем, в разных вариантах во многих соседних странах от Кореи до разных оазисов Синьцзяна и имевших не вполне ясное происхождение: Яценко, 2006, с. 269, прим. 30).

16.У западной стены зала имелся выступ для кресла, на котором, видимо, во время торжественных приемов восседал хозяин дома на фоне сцен приема иноземных послов (см.: Альбаум, 1975, с. 12, 20).

17.Именно тогда в Среднюю Азию прибыло единственное в VII в. после установления династии Тан (с 618 г.) известное по документам посольство из Китая на Запад во главе с бывшим уездным начальником Ван Минъюанем, посланное императором Гаоцзуном (650-683) и посетившее многие страны. Именно в этом году император Гаоцзун смог единственный раз в китайской истории на короткий срок символически навязать западным тюркам, подчиненным им согдийцам и тохаристанцам новое административное деление, в котором Самарканд играл одну из ключевых ролей. И именно в 662 г. у корейцев царства Когуре, боровшегося с Китаем и поддерживавших до того тесные дипломатические контакты с восточными тюрками, могли появиться серьезные основания и возможность обратиться именно к ихшиду Согда или его сюзерену (зависимому от Империи кагану западных тюрков Ашина Буженю) за помощью в посреднической миссии с Китаем или за согдийскими кредитами. Китайское посольство, вероятно, прибыло в Самарканд к весне-лету 662 г. (на всех изображениях мы видим одежду теплого сезона). Как раз около 662 г. Согд ненадолго смог приобрести относительную самостоятельность от сильных соседей: он оказался на периферии интересов Китая, и занятому другими проблемами Гаоцзуну было трудно его контролировать, а власть китайской марионетки - тюркского кагана Буженя над этой страной вряд ли была жестокой. Иными словами, моя версия уточняет датировку рисунков, предложенную А.М. Беленицким и Б.И. Маршаком: между 650 и 675 годами (Беленицкий, Маршак, 1979, с. 35); она подробно изложена в статье: Yatsenko, 2004. Мне кажется, что сцены «Зала послов» отражают, прежде всего, не великие международные события (как думают авторы целого ряда версий), а провинциальные амбиции правителя города Самарканда (династийный брак с царской семьей соседней маленькой тохаристанской области Чаганиан; прием единственного за столетие скромного посольства Китая с незначительным чиновником во главе; удивительный для жителей Самарканда визит двух представителей северокорейского Когуре и т.п.). Основное внимание при этом уделено прибытию двух невест из соседних стран.

18.Г.М. Майтдинова полагает, что изготовление некоторых одежд представителей среднеазиатской элиты целиком из тканей с сасанидской орнаментикой в VII в. всегда является аргументом в пользу их местного происхождения (Майтдинова, 1991, с. 27); однако, подобный довод не кажется убедительным.

19.См. подборку сведений о тюркских chakar: Beckwith, 1984, p. 29-43. Особенно интересны сведения Сюаньцзана (нач. VII в.) о чакарах в Согде: «У них очень много чакаров. Что касается чакаров, то они отважны и свирепы по натуре. Они считают смерть спасением. В сражении нет противника, который может им противостоять». Согласно Табари (II, 1542), один из последних согдийских царей Самарканда Гурак почтительно (но лишь из соображений этикета) именует себя по отношению к сюзерену (кагану тюргешей) так: «Я - раб кагана, один из его чакаров».

20.Сюаньцзан описывает, кроме прочего, для воинов свиты у западных тюрков совершенно иное вооружение – луки и боевые топоры, а не мечи и кинжалы. Кстати, прорисовки 1978 г. выявили, что тюрки в Афрасиабе носили именно прямые мечи, а не слабо изогнутые сабли.

21.На монетах (видимо – более ранних) Вахуман, в отличие от надписи в «Зале послов», еще называет себя иранским термином “mlk” (так было принято именовать в Сасанидском Иране могущественных наместников центральной власти в крупных областях). «Вассалитет» же Вархумана (кит. Фухумань) по отношению к далекому Китаю в 662 г. вряд ли был сколько-нибудь реальным, да и документирован он лишь для начала его правления. Действительно, в эру правления Юнхуэй императора Гаоцзуна (то есть между 650 и 656 гг.) Вархкман прислал к нему посольство (см.: Малявкин, 1989, с. 77). Несомненно, это могло произойти лишь в 656 г., когда власть над Согдом и Тохаристаном активно боровшегося с Китаем и пытавшегося реально возродить Западный каганат Нивар Ыштыбара-ябгу (кит. - Ашина Хэлу) (650-658 гг.) заметно пошатнулась. Согласно китайской политической традиции, любая иноземная миссия автоматически всегда означала желание очередного «варварского» князька присоединиться к Поднебесной империи, и обычно это приводило к вручению ему некоего китайского чиновничьего звания (даже если посольство преследовало совершенно иные – например, торговые – цели). Это не учитывается рядом западных исследователей, буквально понимающих все документы китайской официальной пропаганды. Действительно, Вархуману было тут же символически пожалована почетная должность «тутук» в заранее создаваемом «Управлении дуду Кангюй». На практике же успех посольства означал тогда международное признание нового статуса Согда, впервые объединенного после долгого тюркского правления человеком с иранским (согдийским) именем. Однако как раз в 662 г. один из двух марионеточных западных каганов, воспитанных в Китае – Ашина Мише (руководившей северной группой племен дулу), был убит китайцами за измену, а погубивший его интригами Ашина Бужень уже плохо контролировал ситуацию в Средней Азии (от него стали разбегаться даже тюркские подданные, их владения стали дробиться и т.п.).

22.Сохранность большинства изображений поясов в «Зале послов», к сожалению, плохая. Семантика раннетюркских наборных поясных бляшек и наконечников тюркского типа до сих пор разработана крайне слабо (Добжанский, 1990, с. 9). Очень часто в отечественной литературе она опирается на предположения, сделанные при анализе пояса жужаней / аваров (см.: Laszlo, 1955, p. 16, 55-56; Csallany, 1962, s. 454-460). Между тем, к подобным параллелям нельзя не отнестись настороженно, так как жужани были злейшими врагами и повелителями тюрков, принадлежали к иному культурному кругу и, видимо, к особой, ныне вымершей языковой группе. Важно, что в древнетюркской эпиграфике у аристократов с большими личными заслугами перед каганом либо подчеркивается материал накладок пояса (золото), либо называется их количество (Добжанский, 1990, с. 78). Парадный пояс, подаренный китайскому императору в 627 г. западнотюрским каганом Тон-ябгу (Тун Шеху), был обычным для тюрков кожаным (не отмечается его изготовление из золота, что было естественным в таких случаях в китайских хрониках); зато он украшен вставками драгоценных камней и “бесчисленным количеством накладок” (Цзюнтаншу, гл. 194 б, 3599 в).

23.Подобный состав аксессуаров типичного раннетюркского пояса упомянут позже в китайском словаре “Чженцзытун” ученым XI в. Шэнь Ко (Фэн Ханьцзы, 1959, с. 436). Последний предмет Л.И. Альбаум, видимо, считал небольшим ножом (Альбаум, 1975, с. 33). Однако китайские хроники также прямо называют вместо него небольшой точильный камень среди основных подвесок пояса раннетюркских этносов (см., например: Таншу, гл. 217 б о киргызах).

24.Так, в сцене пира в помещении XVI/10 в Пенджикенте у четырех участников-мужчин представлены подобные мешочки трех (!) разных форм (Беленицкий, 1973, с. 29; табл. 19-21).

25.Крупные бляшки этой простой формы образовывали, например, декор наборного пояса, например, в Иране уже при первых сасанидских шаханшахах (то еще задолго до выхода тюркоязычных народов на историческую сцену); см. у Шапура I, 241-272 гг. на триумфальном рельефе в Дарабе: Trumpelmann, 1975, Taf. 6, I; у Шапура II, 309-379 гг., в Малом гроте и у Арташира II, 379-383 гг. на «открытом» рельефе в Так-и Бустане: Fukai, Horiuchi, 1983, pl. XXVI, LXIX). Однако эти пояса имеют оригинальный местный, персидский облик. Для более же поздних поясов с дополнительными свисающими ремнями рубежа VI-VII вв. бляшки такого типа, во-первых, нетипичны, а, во-вторых, даже когда они использовались (царь стоящий в лодке с луком в руках, в Большом гроте Так-и Бустана) центральный круг сопровождается орнаментом в виде четырехлепестковой розетки (см. наиболее точное воспроизведение: Fukai, Horiuchi, 1983, pl. XVI).

26.На золотых изделиях представителей разных народов в «Зале послов» (колье, пояса, браслеты, серьги) изображены всегда вставки минералов синего цвета или белого (прозрачные?). Однако очень крупные размеры некоторых камней не позволяют видеть в них самые ценные породы (сапфир и жемчуг). В таких случаях речь, видимо, идет о более дешевых (находимых у границ Согда) лазурите и горном хрустале. (именно их, судя по китайским источникам, вывозили из Согда и Чача: Шеффер, 1981, с. 300, 305), а также о бирюзе.

27.На согдийских тканях VII-IX вв. крылатые кони - один из немногих сюжетов, вполне сознательно заимствованных из сасанидского репертуара (ср.: Иерусалимская, 1992, с. 14).

28.Глава «Костюм» была написана мною в 1987 г., но четвертый том монографии, куда она включена, был издан лишь 13 лет спустя, в 2000 г.

29.В литературе часто встречаются неаргументированные утверждения, что все «чаломообразные» уборы Старого Света, якобы, не возникли в разных районах и разное время самостоятельно, а происходят, в конечном счете, только или от каких-то уборов персов времен Ахеменидов, или из Северо-Западной Индии (Гандхара и соседние территории), или от ранних арабов. Тюркские «чалмы» повязаны при этом, разумеется, не так, как на Ближнем Востоке во времена расцвета Арабского Халифата.

30.Исключение составляли, разумеется, верующие манихеи, у которых «избранные» носили почти всю одежду белого цвета (см., например, рис. 13, 3).

31.Одежда темных цветов (черный, серый, коричневый, темно-синий). сохранялась у уйгуров до начала XX в (см.: Робровский, 1900, с. 542).